

Неандерталец

Автор:

Леонид Ангарин

Неандерталец

Леонид Ангарин

Тысячи лет назад. Каменный век. В предгорьях и тундростепи между современной Францией и Испанией доживают свой век последние сохранившиеся на Земле семьи неандертальцев. Они не знают, что время существования их вида истекает, и скоро они останутся в памяти людей только как герои древних сказаний и мифов. Именно в этот момент в тело молодого охотника Эссу попадает сознание нашего современника Андрея Кузнецова. Сможет ли он изменить неизбежное?

Леонид Ангарин

Неандерталец

Глава первая: Пробуждение.

Спать было неудобно. Андрей попытался вытянуться, но ничего не получилось. Кровать каким-то непостижимым способом укоротилась и ноги натолкнулись преграду— тело так и осталось скрюченным. Абсолютно темно и тихо. Почти проснувшийся Андрей ощутил сильный запах полевых цветов. Кажется, их накидали на него вместо исчезнувшего одеяла. Но кто принес полевые цветы зимой в его одноместный гостиничный номер. Совсем уж причудливый сервис у этих французов.

Странный сон. Андрею он категорически не понравился— хорошо бы проснуться от звона будильника на смартфоне. В будние дни ровно в 6:30 утра он прилежно напоминал ему о необходимости идти на работу и начинать ежедневные утренние процедуры с умыванием, чисткой зубов и чашкой крепкого кофе для бодрости перед самым выходом на улицу, которую он обычно выпивал стоя, а после -первая за день сигарета. Но он ведь в отпуске. А кто включает будильник в отпуске, когда хочется выспаться на год вперед?

Рука совсем занемела, но переворачиваться на другой бок Андрей не стал. Пришел к выводу, что если во сне совершать какие-то действия, то он так и будет тянуться бесконечно. Андрей прикрыл глаза, в надежде поскорее уснуть и пробудиться уже на своей кровати. Ничего не вышло- по ощущениям прошло полчаса, а он все так же лежал в позе эмбриона с закрытыми глазами в какой-то узкой яме под ворохом цветов. Раз сон не заканчивается, то надо хотя бы освободить правую руку, которую он совсем перестал чувствовать.

В этот момент пыльца от цветов попала в ноздри и Андрей громко чихнул. Звук от чихания вышел неожиданно громким и показался каким-то чужеродным- слышалось слабое эхо. В мебелированном гостиничном номере не могло быть эха. Теперь попытка заснуть в своем же сне, чтобы проснуться на кровати, показалась ему глупой.

Надо что-то крикнуть из того, что кричат в подобных случаях. Например— «Эй!», или «Есть здесь кто?».

- Есть здесь кто?

Но вместо привычных звуков горло выдало какую-то какофонию.

- Э-у-о. Э-у-о...ответило эхо из темноты.

Андрей перевернулся на спину, поджав ноги в коленях, чтобы поместиться в своей короткой яме.

- Э-у-о. Э-у-о...

Андрею стало страшно. В этом странном месте язык напрочь отказывался проговорить простое предложение, выдавая вместо него непонятную тарбарщину. Может он умер во сне и теперь в потустороннем мире. Возможно, так и выглядит загробный мир. Но разве в загробном мире можно отлежать руку? Или это чистилище. Хотя какое чистилище, он же православный, а не католик. У православных нет чистилища. Его в детстве крестили по настоянию бабушки, когда родители еще были живы, и они все вместе жили в небольшом сибирском городе. Даже крестик есть на шее, с которым он никогда не расставался. Хотя Андрей реллегиозностью никогда не отличался, но сейчас ему захотелось подержать его в руках. Он попытался нащупать на шее цепочку, на котором он висел и замер. Ни цепочки, ни крестика его пальцы не обнаружили, зато нащупали бороду, которую он никогда раньше не носил. Разозлившись, сделал попытку привстать в своей яме и почувствовал удар по темени. Темнота.

Второе пробуждение оказалось ничем не лучше первого. Сразу же В нозди проник запах все тех же цветов, а значит, принципиально ничего в его положении не изменилось. Кровать все так же находится где-то в гостинице, а он— в тесной яме. Единственное изменение— могла появиться шишка от выключившего его удара. Вздохнув, Андрей широко раскрыл глаза и сразу же заметил, что темнота не такая уж и абсолютная. Тусклый свет освещал ноги, согнутые в коленях, а в полуметре над головой находится каменный карниз.

Так, так. Оказывается он не в яме, а в неглубоком каменном склепе с карнизом прямо над головой, простиравшимся на треть ее длины. Об него он и стукнулся при попытке встать в темноте. Еще эти цветы словно на могиле. Но почему она не прикрыта сверху каменной плитой, как это и положено могиле?

Вопросов в голове крутилось много, но Андрею становилось все очевиднее, что ответов он, лежа в яме, не дожидется. Надо вставать.

Шурша цветочным ковром, устилавшим дно склепа, он выполз на четвереньках из своей каменной ямы и встал во весь рост.

Цветы-то уже не первой свежести. Сорвали их как минимум дней десять назад. Успели подувянуть.

Андрей оглянулся. Он находился в небольшой пещере продолговатой формы. Часть ее была освещена узким солнечным лучом, который шел откуда-то сверху. Свет попадал прямо в кости какого-то животного с большими козлиными рогами на черепе, которое, видимо, по неосторожности упало когда-то сверху и разбилось. Его «могила» с цветами, как и он сам, располагались на теневой стороне. А вот и прислоненная к стене пещеры корявая каменная плита, которой не успели накрыть его склеп. Интересно, почему не накрыли? Не то, чтобы он сильно этого хотел, тем не менее, странно не довести дело до конца. Сама могила показалась ему удивительно маленькой, понятно, почему он не мог выпрямить ноги. Тем более при его росте в 186 сантиметров. Андрей устыдился своих мыслей про чистилище— все вокруг выглядело вполне себе материально.

В голове крутился рой мыслей. Что делать дальше? Куда делась гостиница? И когда успела вырасти борода? Еще вчера он был гладко выбрит. Может это все-таки сон? Но даже если это так, то он на редкость детализированный. Вон даже пылинки видны в луче света и неровные острые сколы на каменной плите. И запах трав очень отчетливо пробивается в ноздри.

Андрей обошел пещеру по периметру. Ничего интересного он не нашел. На полу обнаружились продолговатые гладкие камни с острыми краями, которые он не стал трогать. Все на том же месте валяются кости незадачливого козла, неровные шершавые стены, свод где-то наверху. Если внутри пещеры нет ничего интересного, то может он найдет ответы наружу? В том, что выбраться удастся без проблем, он не сомневался. Принесли же его сюда каким-то способом и тяжелую плиту приволокли. Даже если это сон, в чем он сомневался все больше, все в нем подчинялось законам материального мира.

Свет в пещеру проникал уже не прямо, а бил наискосок в противоположную от него стену. Солнце продолжало свое извечное путешествие по небу— надо вылезать. В глубине души теплилась еще надежда, что это чья-то дурацкая шутка и наверху ждут, пока он выберется из пещеры, чтобы объявить об удачном розыгрыше. Но два факта противоречили этой оптимистичной версии.

Во-первых,— когда он уснул в гостинице на дворе была зима, а полевые цветы в его склепе судя по всему были сорваны не ранее весны. И пусть во Франции зимы не такие уж и суровые, но цветы там, как и в России, растут в теплое время года. Получается, что его усыпили минимум на полгода— как раз и борода подросла— а потом закинули в склеп и ждут наверху, пока он вылезет? Бред, а не версия. И захочешь— не поверишь.

Во-вторых,— никто из его знакомых организовать подобное, да еще и за границей, просто не смог бы по причине отсутствия для этого возможностей. Чтобы украсть человека, и долго держать его в искусственном сне, нужны значительные средства и сильный мотив. Так сильно он вроде никому не насолил. Версию про вмешательство спецслужб или инопланетян он отверг сразу— кому мог понадобиться менеджер по продажам Андрей Кузнецов из фирмы «Унипласт». Неужели для того, чтобы узнать количество произведенных его конторой пластиковых окон и дверей за третий квартал текущего года? Да он и сам бы с удовольствием им это рассказал.

Путь наверх оказался неожиданно сложным. Поднимался, цепляясь за выступы в стене и проросшие корни деревьев. Вроде и не так высоко, но стены почти отвесные. Неведомые похитители, видимо, использовали длинную лестницу или альпинистское оборудование, когда спускали его в пещеру. Наконец, голова оказалась совсем рядом с выходом, вытянутые руки нащупали край и броском тела наверх выбрался наружу.

Андрей отстранено сидел на сером валуне на вершине каменистого холма, поросшего редким кустарником. Когда глаза привыкли к солнечному свету, он наконец-то смог рассмотреть себя и теперь не знал что и делать. Он— это был не он. Дело даже не в том, что у него выросла рыжая борода лопатой и на голове космы такого же солнечного цвета. Просто в этом теле не было ничего от привычного Андрея Кузнецова— 186 сантиметров роста немного уменьшились, руки стали короче и толще, ладонью с толстыми пальцами он смог бы при желании без проблем поднять с пола баскетбольный мяч, настолько они стали больше, стопы ног расширились подстать ладоням.

Зеркало бы сюда, подумал Андрей, может, еще что угляжу. Интересно, что там осталось от лица.

Он привстал на валуне и начал щупать голову своими «сардельками», в которые превратились пальцы.

Так, лоб стал больше и какой-то покатый, над глазами образовался едва заметный небольшой валик, нос стал немного шире, а затылок под волосами закругленнее. Сама голова показалась какой-то большой и вытянутой. А что с телом? Изначально сухопарое и длинное у менеджера по продажам теперь оно стало шире раза в полтора. Хорошо еще, что цвет кожи остался, какой и был—

белым, и шерсти не появилось. Это обстоятельство почему-то обрадовало. Андрей распахнул на груди кожаные тряпки. Привычной с детства большой родинки на груди не было, зато сама грудь напоминала надутую бочку из крепких мышц. Такой она бывает у борцов греко-римского стиля или атлетов из глянцевого журналов.

Глаза оказались закругленными, а не привычной формы приплюснутого прямоугольника. Просунул пальцы в рот. Здесь вроде все по-прежнему— зубы как зубы. Правда, пломбы исчезли, а за зубом мудрости почему-то оказалось пустое пространство. Что касается подбородка, то под бородой он показался каким-то маленьким.

Неужели похитители провели над ним какие-то запрещенные медицинские эксперименты, например, по генной инженерии, наверное, это была секта сумасшедших генетиков, которым непременно надо было вырастить в пробирке суперчеловека, потом они увидели результат, испугались ответственности и забросили его в эту пещеру? Хорошо хоть не убили— гуманисты чертовы. А ведь могли бы просто по голове чем-то тяжелым и все— концы в воду.

Он видел такие сюжеты в разных фильмах, смотреть было интересно, но почему для практического воплощения выбрали именно его? Может потому, что он живет один? Кто его будет искать, да еще в Европе. Родители давно умерли в автокатастрофе. Воспитавшая его бабушка скончалась в позапрошлом году от старости. Остальные родственники после того, как он переехал в Москву только на день рождения и могут позвонить, и то не каждый год. На фирме уволят за прогулы и все— никто и не вспомнит, что был такой человек— Андрей Кузнецов. Кто знает, сколько таких «пропавших без вести» лежит сейчас в укромных безлюдных местечках в сырой земле по всему миру.

- Адрррр Кзннннвввв.

Этот набор звуков язык выдал при попытке выговорить собственное имя. Простые русские слова новому горлу явно давались с трудом. Ну ладно, попробуем еще.

- Андрррй Кзннннццав.

Немного лучше, но язык во рту с трудом проговаривал гласные. Опыты похитителей явно дали сбой. Суперчеловеком тут и не пахло. Скорее получился какой-то питекантроп.

Последнее сравнение зацепило какие-то шестеренки у него в мозгу, результатом работы которых получилась следующая логическая цепочка: может он жертва не садистов- генетиков, а шизанутых физиков, которые каким-то образом перенесли его сознание в ископаемого бедолагу. Только где они его взяли? Машину времени изобрели, потом украли кого-то в каменном веке, чтобы пересадить в него сознание Андрея в настоящем. Или наоборот— его сознание перенесли в прошлое и оно попало в эту большую голову? Окончательно запутавшись в версиях произошедшей коллизии, бывший уже менеджер по продажам пластиковых изделий решил отложить решение этой загадки на потом. А пока подождать на месте, вдруг все разрешится само собой с появлением на его холме хоть кого-то, кто сможет внятно объяснить, что собственно говоря, он тут делает.

Андрей кружил по вершине холма, не зная, что предпринять дальше. Тысячу раз он проклял себя за то, что решил вчера по дороге на Ла-Рошель переночевать в маленьком городке. Устал за рулем взятой напрокат машины, видите ли. Еще больше ругал себя за то, что согласился взять не использованный за год работы отпуск в декабре, а уж решение посмотреть, как отмечают католическое Рождество во французской провинции, сейчас выглядело верхом безрассудства. Парижа ему мало показалось. Эстет нашелся. Слишком большой и космополитичный мегаполис, многолюдностью похожий на Москву. Не интересно. Захотелось ему посмотреть старую добрую провинциальную Францию атлантического побережья. Ну вот, посмотрел.

Время шло, солнце скоро должно было зайти за небольшую горку, а на месте его нахождения так никто и не появился. Ни генетики- садисты, ни физики, ни местные жители, ни даже зеленые человечки. Он и последним был бы сейчас рад. Хотелось есть, а еще больше пить. Обзор с холма ничего не прояснил, далеко на юго-западе виднелась гряда невысоких гор поросших лесом, а по направлению на север и восток тянулись холмы. Местность ничем не похожая на ухоженные пейзажи Приморской Шаранты, где он и заснул вчера в гостинице небольшого сонного городка. В этом населенном пункте он пересек по мосту реку, которую местные называли Шарантой, а здесь он ее не видел, значит, он точно не там, где уснул в гостинице. После некоторого колебания он решился спуститься с холма, чтобы поискать воду. Надо бы найти ее до заката, а с

рассветом, если никто не придет, идти искать людей. Только бы они его за йети не приняли при встрече, что не удивительно в таких-то вонючих обмотках и странном обличье.

Далеко Андрей не отходил, боялся потеряться в надвигающихся сумерках. Холм с пещерой казались ему сейчас самым безопасным местом в этом странном месте. В результате часового хождения в окрестностях холма в небольшом боковом овраге нашелся ручеек. Ну, как ручеек, скорее это была мокрая земля на склоне оврага. Чтобы добыть воду Андрею пришлось вырыть руками небольшую ямку в глине, выложить ее дно плоскими камнями, а потом с нетерпением ждать, пока в ней соберется достаточное количество мутноватой влаги для питья. Назад он возвратился уже в темноте.

Ночь он провел сидя на своем валуне. Мысль вернуться в пещеру и поспать в своем склепе на ковре из засохших цветов его не прельстила— Андрей живо представил как срывается в темноте вниз и его изломанное тело лежит на полу рядом с козлиными рогами. Воображение нарисовало, что будет дальше— пройдет несколько веков и нашедший случайно их скелеты бородастый палеонтолог в круглых очках будет сердито бурчать под нос, попытается рассортировать перемешавшиеся кости. Картина была настолько яркой, что он даже хихикнул. А потом задумался над своей реакцией— таким бурным воображением и эмоциональностью продавец пластиковых дверей и окон раньше не отличался, да и обстановка вроде бы не располагала к веселью. Поразмыслив, пришел к выводу, что это видимо побочная реакция его тела на произошедшие с ним метаморфозы. Еще бы, очутиться в непонятном организме, то ли своем, то ли чужом. Это какой стресс он получил. Хорошо, что не свихнулся. А мог бы сидеть на этом большом камне, мычать и пускать слюни.

В путь Андрей двинулся только через два часа после рассвета. Сначала долго смотрел во все стороны со своего большого камня, выбирая маршрут для движения. В итоге решил двигаться на северо-восток, в этом направлении холмы вроде бы становились ниже, а значит теоретически и шансов натолкнуться на какое-то поселение больше. Не в горы же идти босиком. Еще час он никак не мог решиться покинуть холм, тянул время, надеясь, что вот-вот кто-то все-таки объявится, все объяснит, и ничего предпринимать не придется, пока бурчащий живот не намекнул, что если он не хочет здесь помереть с голоду, то придется что-то делать. Напоследок он наведалься к роднику в овраге, вода в котором за ночь очистилась от глины и стала почти прозрачной. Воду он пил с запасом, сколько поместится в животе, ведь фляжки или на худой конец пластиковой

бутылки, чтобы набрать ее в дорогу, у него по понятным причинам не было.

Солнце стояло в зените, а Андрей отдыхал в тени кривоватой белой березы. Он успел пройти не торопясь около 5 километров, стараясь двигаться ложбинами между холмами, не отходя далеко от намеченной линии на северо-восток, когда решил переждать самое жаркое время дня. Его мучила неопределенность собственного местонахождения. Если бы кто-то ткнул пальцем в карту и сказал, что он находится там-то, то ему было бы намного легче. Появилась бы цель добраться до географического пункта, где он точно встретит людей. А там разобрался бы. Мысль, что он находится там же где и уснул в гостинице, во Франции, он опять отверг. Окружающий пейзаж напоминал Канаду или Финляндию, но отнюдь не Францию.

Переждав час— двинулся дальше. Рядом время от времени с шумом взлетали довольно крупные птицы, но он даже не пытался подбить их камнем. Менеджер по продажам сомневался, что не имея ни ножа, ни зажигалки, сможет приготовить еду. Андрей пожалел, что не взял с собой плоские камни с острыми краями из пещеры. Распотрошить пернатую добычу в случае крайней нужды таким камнем представлялось вполне себе возможным. Еще через пару часов он вышел из холмистой местности и очутился на равнине.

Кругом была высоченная трава. Местами она напоминала сплошной ковер высотой до 2 метров с метелками на вершине, а иногда образовывала большие пучки с грубыми стеблями. Из-за ее высоты было плохо видно окружающую местность, и Андрей время от времени подпрыгивал, чтобы увидеть хоть что-то. Он все так же упрямо шел на северо-восток, хотя и понимал, что выйти к какому-то городку или деревушке ему вряд ли суждено. Ну не было в современном мире такого пейзажа, да еще расположенного так далеко от людских поселений. Где на родной планете такое пышное северное разнотравье? Если бы он находился на севере Канады или Финляндии, то кругом расстилалась бы тайга, тундра с ягелем, или другим мхом из тех, что едят северные олени в полярную ночь. А здесь была какая-то саванна в умеренном климате. Причем густонаселенная. До него постоянно доносились звуки обитателей этого царства травы. То приглушенное мычание, то какой-то писк, откуда-то издали ветер донес непонятный рев- этот концерт дополняло чириканье птиц, не замолкающих ни на секунду.

Он чуть не упал в реку с невысокого берега; вот только что повсюду была уже доставшая его трава, сквозь которую он с трудом продирался, а тут откуда-то

сразу взялся обрыв. Хорошо успел зацепиться за невысокую иву, которая росла почти у самой воды.

Это была Шаранта. А стоял он на том самом месте, где в будущем будет построен город с уютной гостиницей. Понимание этого пришло к Андрею как-то сразу и окончательно. Если бы кто-то спросил, почему он так решил, то внятного ответа он дать бы не смог. Просто понял и все. Он все-таки во Франции, но не современной. Теперь уж точно не выпить ему горячего вина на рождественском рынке в Ла-Рошели и не полюбоваться елкой на главной площади города из «Трех мушкетеров», поскольку до той Ла-Рошели еще тысячи и тысячи лет. Хотя до того места где он когда-то будет построен можно дойти за неделю-другую, не спеша передвигаясь вдоль реки прогулочным шагом.

Значит все-таки это физики-шизики, а не генетики-садисты. Подсадили его сознание в голову местного жителя. А его самого куда дели? Не мог же он исчезнуть без остатка, никаких следов чужих воспоминаний у себя в голове он обнаружить не смог. Может это и к лучшему— так и до раздвоения личности недалеко. Неужели бедный питекантроп теперь в теле менеджера по продажам, не мог же он исчезнуть без остатка. Природа не терпит пустоты. Андрей ему даже посочувствовал, в случае, если и в самом деле произошел обмен телами. Как бы он не свихнулся от футуршока там, в будущем.

От осознания того, что он все-таки находится там же где и был, во Франции, Андрей, как не странно, испытал чувство облегчения. Появилась хоть какая-то определенность, та точка на карте, к которой он мог себя привязать. Некоторые неувязки, правда, возникли со временем нахождения этой самой точки. В Европе наблюдаемый им ландшафт должен бы приходиться на ледниковый период. В то же время солнце припекало вполне себе ощутимо— почти июль в Средней полосе России XXI века. Если увидит мамонтов, больших оленей или лохматых носорогов, тогда точно в ледниковый период угодил. Эти животные в другое время и не жили. Это еще ничего— спасибо, что не к динозаврам отправили.

Приободрив себя этой оптимистичной мыслью, Андрей решил начать свою осознанную жизнь в первобытном обществе с обретения орудий труда. А то в каменном веке без дубинки в руках как-то небезопасно. И гарпун бы не помещал, раз уж он у реки стоит, а то он стал уже задумываться, что и сырая птица не так уж и плоха на вкус. Сначала хотел оторвать ровный толстый сук ивы, который планировал использовать в качестве дубинки, но, увы, без топора сделать это оказалось не так легко. Сук гнулся во все стороны, но отрываться от

ствола или ломаться не захотел даже тогда, когда он повис на нем всем своим телом. Решив, что от такой мягкой палки никакого толку все равно не будет, Андрей пошел вниз по течению реки, надеясь найти подходящий для его целей топляк.

Что-то похожее на дубинку нашлось на каменистой отмели чуть дальше по течению древней Шаранты. Река здесь делала небольшой поворот, на котором скопилась куча принесенной водой ветвей. Конечно, настоящий человек каменного века вряд ли польстился бы на кривоватую палку, немного утолщающуюся к концу, но Андрею было не до эстетства. А вот с гарпуном возникли проблемы— видимо, ветки местных деревья из принципа отказывались расти прямо. Решил обойтись без него, зайти по колена в реку и попытаться поймать рыбу руками. Рыбы вроде бы здесь водилось много, он чувствовал, как она касается его ног, проскакивая мимо. Но в руки она не хотела идти категорически. Ему повезло, когда он совсем уже отчаялся. Глупая рыба сама влезла к нему в ладони— он не пытался ее поймать, а просто выкинул на отмель. Серебристая добыча сантиметров 80 в длину высоко запрыгала по камням, все ближе подбираясь к воде. С воплем он прыгнул на нее, стал суетливо искать дубинку, чтобы оглушить, и не найдя ее просто стукнул камнем по голове и оттащил подальше от берега.

Судя по куче красной икры из брюха, он поймал лосось, который шел на нерест. Андрей еще раз с сожалением вспомнил острые камни из пещеры— с их помощью он распотрошил бы ее гораздо быстрее. А так пришлось использовать небольшой серый камень с отмели, расколовшийся в виде треугольника, который он заточил узким концом об небольшой булыжник. Икру он проглотил сразу же, а есть рыбу сырой не хотелось. Необходим костер, тем более скоро вечер, а искать убежище уже поздно. С костром оно как-то безопаснее и уютнее.

Вроде делал все правильно, так, как показывали в реалити-шоу по телевизору, где всякие известные личности пытались выжить на необитаемом острове или других непригодных для жизни местах— собрал сухую траву, положил ее на кору с топляка, нашел сухую палочку и начал быстро ее вертеть в ладонях. Первая попытка добыть огонь не удалась. Прошло полчаса— дымок иногда появлялся, пару раз даже углядел красные точки угольков на траве, а костер все никак не хотел разгораться. Может трава была недостаточно сухой, или кора не та. Хорошо, что руки «питекантропа» были настолько грубые— на своих настоящих он бы давно содрал кожу с ладоней. Немного передохнув снова начал крутить палочку как можно быстрее. Наконец дымок стал вроде как погуще—

Андрей встал на колени и стал дуть на красные точки со всей силы. Получилось— появился маленький язычок пламени, который он бережно подпитывал тоненькими сухими палочками, а когда разгорелся, то в дело пошел толстый топляк.

Глава вторая: Дыр- Быр

Блаженство. Рыба оказалась удивительно вкусной даже без соли и приправ. Андрей обмазал ее толстым слоем глины и завалил углями. Через полчаса выкатил из костра и теперь ел, ел и ел. Пока от тушки не остались только хребет и очищенная от мяса голова. Живот округлился, и совершенно не хотелось двигаться. С трудом заставил себя собрать большую кучу дров на ночь, благо река после весенних паводков оставила их на отмели достаточное количество.

Ночь прошла спокойно. Ложе, которое он соорудил из сорванной высокой травы с метелками, вышло вполне себе уютным. А уж если сравнить с предыдущей ночью, которую он провел на валуне, то нынешнее его положение было не в пример лучше.

Прогрессируем потихоньку. Второй день здесь, а уже и костер без зажигалки разжег, и добычу поймал, скоро начнет цивилизацию строить, поерничал Андрей над собой, перед тем как окончательно уснуть.

Утро вышло спокойным. Проснулся он от птичьего концерта. Птахи, кажется, торопились сообщить ему, что солнце вот-вот покажется из-за горизонта и пора вставать. От костра остались только теплые угли. На всякий случай раздул его снова, очень уж тяжело он ему вчера дался, не хотелось снова вертеть эту проклятую палочку. Эх, еще бы чашку кофе и сигарету, и можно быть готовым к новым подвигам. Мамонта там поймать или на худой конец мохнатого носорога.

По утренней привычке он сначала умылся, а затем попытался на речной глади увидеть, наконец, свой облик. Видно было плохо – в грязноватой воде выделялась борода, нос с горбинкой да глаза. Надо будет найти чистый ручей, чтобы разглядеть себя лучше, а перед тем сбрить эту надоевшую бороду. На первый взгляд выглядел он вполне себе человек человеком. Не красавец, конечно, но и не обезьяноподобное существо, какие он видел по телевизору, когда в новостях, рассказывая о сенсационной находке учеными костей очередного самого древнего человека в Африке, для удобства зрителей

демонстрировали иллюстрации, на которых отображался примерный облик откопанного Адама или Евы. Те походили скорее на небольших горилл.

С сожалением посмотрев на еще красные угли костра, кровать из травы, взвалив на плечо свою дубинку, Андрей двинулся дальше вдоль реки. Жалко было оставлять нажитое хозяйство, даже такое убогое. Но не оставаться же вечно на отмели, чтобы ловить рыбу и запекать ее в углях. Рано или поздно он привлечет внимание проходящего мимо по своим делам пещерного мишки и все— был Андрей и нет его. Кривой палкой от такого противника он не отобьется.

Трава у берега была не такой высокой— идти стало легче. Единственное, что мешало, так это отсутствие обуви. Вытянув очередную колючку из пятки Андрей пообещал себе, что как только представится возможность, так сразу изобретет лапти.

– Андррей Кзннццав Андррей Кзннццаааав Андррей Кзннццааааав,–
напевал он на ходу.

Может, после такой тренировки язык научится артикулировать звуки как положено. Поскольку торопиться было некуда он вертел во все стороны своей рыжей головой. Кажется, в этом теле он видел лучше, чем раньше. Не зря у него такие большие глаза. Нюх вроде как остался какой и был, во всяком случае, ничего необычного он не почувствовал, обычные запахи летней степи. Солнце начало припекать, захотелось полежать в тени дерева, но кругом была одна трава. Даже ивняк у берега исчез. Это было странно, вроде бы при таком теплом климате здесь должны были вырасти густые леса. Может зимы здесь очень суровые?

Ветер донес издали рев, похожий на слоновий. Андрей остановился, пытаясь определить, откуда идет звук. Затем пошел в том направлении. Наверное, это было не совсем благоразумно, но очень уж хотелось увидеть, кто его издает. Далеко идти не пришлось. Прямо к нему направлялся где-то с десятков живых мохнатых холмиков. Андрея охватил восторг. Вот они—мамонты, а он единственный человек за последние 10 тысяч лет, который видит вживую могучих зверей. Их было целое стадо. Огромные самцы и самки поменьше, возле которых крутились мамонтята. Судя по всему, они направлялись к реке на водопой.

Когда до гигантов осталось метров триста, его охватила паника. Надо убираться с их дороги, еще заподозрят, что этот мелкий двуногий хочет нанести вред мамонтенку, потом мокрого места не останется— затопчут или на бивень нанижут. Андрей со всех ног бежал прочь от реки. Несся он удивительно быстро, это тело было телом спринтера, не всякий чемпион XXI века смог бы его догнать. А может это впрыск адреналина от страха? Так он бежал, постепенно снижая скорость по мере отдаления от так и не заметивших его мамонтов, пока не уперся в овраг, густо поросший самым настоящим лесом. Понятно теперь, кто деревьям не дает расти в степи— их пожирают вместе с травой огромные северные слоны. А в овраг они спуститься не могут, поэтому тут и вырос нормальный лес.

Цепляясь за стволы деревьев, он спустился по почти отвесному склону. Овраг оказался вовсе даже не оврагом, а скорее частью долины с крутыми скальными стенами высотой до тридцати метров. Видимо ее сотворил ледник, когда то слизнувший своей тяжестью мягкие породы, спускаясь к морю с Центрального массива— остались только крепкие скалы. По дну тек большой ручей, который, судя по всему, направлялся в сторону реки. Куда еще? Андрей отдышался прямо у воды на небольшой поляне поросшей травой.

Это место было лучшим за два дня его пребывания в этом мире. Поляна была прикрыта со всех сторон скалами— получился небольшой каньон с полкилометра в длину и примерно метров двести в ширину. Крупный зверь сюда не пролезет, разве что сорвется по неосторожности с крутого склона. Судя по разбросанным костякам животных это было не таким уж и редким событием. Плюс еще чистая вода и много деревьев. Найти бы здесь неглубокую пещерку, на которую никто не претендует, и можно остановиться надолго. Уж до того момента, пока он снова не попадет в свое тело, уж точно. Не могла же сила, которая сюда его забросила, совсем забыть о нем. Выходит, самое разумное это сидеть здесь и ждать обратного обмена. А лишние приключения могут привести к тому, что до момента, когда его сознание решат вернуть в настоящее тело, он не доживет.

Решено— он обоснуется здесь, а за едой будет спускаться к большой реке, где много рыбы. Только надо сделать корзину из прутьев, а то руками много не наловишь. Второй раз такой глупый лосось, который сам лезет в руки, может и не попасться. Правда, чтобы дойти до большой реки придется пролезть через скалу, перекрывающую движение ручья. Вода исчезала у основания, по всей видимости, найдя себе дорогу прямо под ней.

Чтобы сделать корзину он потратил весь оставшийся световой день. Очень помогла растущая у самого ручья небольшая ива, с которой он обрубил кое-как острием разломанного камня большую кучу ветвей. Получилось нечто некрасивое и ненадежное на вид, несмотря на то, что для крепости конструкции несколько раз обмотал корзину гибкими ветвями. Ничего, главное чтобы сразу не развалилась под напором течения реки, а там видно будет. Костер разжечь не успел— так и уснул на оставшихся от очищенных ветвей листьях ивы.

Утро привычно началось с птичьего концерта. Все, солнце где-то наверху уже появилось из-за горизонта— пора идти рыбалку. Тем более прошло больше суток после того, как он съел лосося и живот стал нехорошо урчать. Корзина ужасно мешала при подъеме на перекрывающую ручей скалу. Еще и дубинка эта. Спуск с обратной стороны оказался еще круче. Дубинку он сразу сбросил с гребня скалы на землю, а корзину побоялся— вдруг поломается. Так и держал ее на вытянутой руке, пока другой цеплялся за неровности в камне, сползая потихоньку вниз. Надо бы лестницу как-нибудь сделать, не дело это каждый раз изображать из себя Тарзана.

С другой стороны скалы ручей продолжил свой путь и соединился с речкой побольше, которая текла по основной части этого странного ущелья. Наверное, когда-то рухнувшая скала перегородила выход из небольшого тупикового рукава, и получился закрытый каньон. Мурлыкая под нос песенку про «Андддррррр Кузззззнца» он отправился вниз по руслу, надеясь быстро дойти до большой реки. Времени на это ушло гораздо больше, чем он предполагал. Почти полчаса он петлял вместе речкой, пока не обнаружил, что у самого выхода из ущелья, прежде чем соединиться с рекой, она образует большое проточное озеро, берега которого поросли невысоким лесом.

Успеет еще его осмотреть, а сначала надо поймать рыбу. А красотами местного пейзажа полюбуется в следующий раз, на сытый желудок.

До момента, когда дно его самодельной верши оторвалось, он успел поймать три рыбы. Четвертая, попав в его ловушку, просто пробила ее насквозь. Рыбалка оказалась неожиданно успешной даже с помощью такого примитивного приспособления. Видимо, любители рыбы в этом времени еще не появились и не успели опустошить европейские реки. А может на его счастье пришло время нереста, и вверх по течению пер косяк лосося. Как бы то не было— еда у него теперь была.

Оттащив добычу на берег озера Андрей, лежа на траве, набирался сил на обратную дорогу. Судя по положению солнца до полудня было еще далеко, торопиться ему точно некуда, а потому решил все-таки осмотреть окрестности озера. Но сначала починил свою корзину, уложил в нее рыбу и повесил на ближайшее дерево.

Эх, не догадался сразу лямки приделать к корзине, получился бы рюкзак, посетовал он на свое тугодумство. Надо бы еще ветвей нарубить для улучшения конструкции.

Берег озера, густо поросший ивой и небольшими березками, был причудливо изрезан. Вода местами глубоко вдавалась в берег, образуя живописные заводи. Андрей расслабился, поэтому, когда услышал какие-то крики, то не сразу и сообразил, что это людские голоса. Первым порывом было бежать назад к оставленной корзине, а затем со всех ног к своему убежищу. Потом передумал— он достаточно наследил на берегу, если это в самом деле первобытные охотники, то найдут они его без труда и устроят на сесте рыбалки засаду. Рано или поздно он в очередной раз спустится сюда за рыбой и все— берите его тепленьким вместе с корзиной. Поэтому он решил проследить за развитием событий, спрятавшись в кустах. Дождаться когда люди уйдут и убрать, насколько это возможно, следы своего пребывания на берегу озера.

Остолоп большеголовый, мог бы догадаться, что место, где растет лес здесь большая редкость и посетители наверняка будут, поругал он себя. Надо же им свои палки- копалки из чего-то мастерить.

Тональность криков изменилась. Если бы с такой интонацией кричали в его время, то он подумал бы что происходит драка не на жизнь, а на смерть. Но здесь он не был так уверен, может в этом времени принято так громко общаться. Среди воплей выделился визг, который он определил как женский. Здесь Андрей уже не утерпел и решил подобраться поближе.

Действие происходило на поляне у озера и, судя по всему, первобытная трагедия шла к завершению. Во всяком случае, на траве лежали два коренастых тела, из которых торчали какие-то деревяшки, а над ними склонилась женская фигура со светлыми волосами и кричала высоким голосом. В метрах тридцати от них стояли победители— четыре человека с темноватой кожей. У двоих из них в руках были непонятные предметы, а остальные трясли над головой короткими копьями и что-то кричали.

Насколько он мог судить, триумфаторы были самыми обыкновенными людьми, правда внешностью похожие на аборигенов Австралии или совсем уж почерневших от солнца индусов, но не на европейцев. Подобраться поближе, чтобы рассмотреть их лучше, он не решился— вдруг заметят. В его планы знакомство с местными не входило. А рыцарский порыв спасти девушку он подавил в зародыше, тем более с его самодельной дубинкой против копья шансов у него считай, что и нет.

Андрей уполз подальше от поля битвы и залез на дерево. Там и просидел, пока крики не затихли, для верности прождал еще немного и отправился к своей корзине.

Его спасло то, что впечатленный увиденным он стал очень осторожным и вернулся на место своей рыболовной стоянки другой дорогой. Он потерял много времени пока обходил по дуге берег озера, но это себя оправдало. Наивный, он думал, его оставят в покое, как же. Под его деревом лежала связанная женская фигура, рядом с которой валялась корзина с рыбой, а по направлению, в котором он отправился на прогулку, за большим камнем стоял замерший дикарь с копьем.

Ждет, скотина, пока он вернется. Но почему он один? Может это была охотничья партия, одного отправили домой с добычей, а остальные дальше пошли зверя бить. Но что делать? Уйти, так он может здесь долго стоять. Тем более так удачно повернулся спиной.

Дубинка из топляка, которую он таскал с собой уже два дня, сухо треснула, ударившись об макушку противника, после чего развалилась на две части. Темнокожий покачнулся и упал на землю. Андрей стоял рядом с оглушенным врагом и никак не мог заставить себя взять камень с земли и опустить его на череп темнокожего. Связанная женщина верещала под деревом, а он так и стоял болванчиком. Наверное, он проломил ему череп, можно и не добивать, успокоил он себя и пошел развязывать женщину.

Как только он освободил ее от пут, которые судя по всему были сделаны из нарезанных полос кожи, она прыжками помчалась к уже поверженному врагу— раздался треск ломаемого камнем черепа.

– Анддрей Кузннеццааааав,– поздоровался Андрей.– И протянул руку. Надо же было как-то представиться, а ничего умнее он не придумал.

– Дыр- быр- дыр. Дыр- быр- дыр.

Женщина что-то говорила, хватала его протянутую для приветствия руку, куда-то тянула, а он не мог взять в толк, чего хочет белобрысая, пока она не подхватила лежащее тело за подмышки и не поволокла в сторону большой реки.

Все правильно, концы в воду. Соображает, первобытная. Столько веков прошло, а ничего в мире не поменялось. Нет тела— нет дела.

– Дыр-быр-дыр,– перешла белобрысая на крик.

Андрей очнулся и бросился ей на помощь. На пару они быстро доволокли труп до реки и бросили в воду. Наверное, преступники из них были так себе, потому что его тут же прибило обратно к берегу. Проклиная все на свете Андрей потащил его к середине реки— где тот наконец уплыл вниз по течению.

Надо было камень к нему привязать и бросить в реку, пришла в голову запоздалая мысль. Столько раз видел такой способ замести следы в криминальных фильмах, а сейчас не сообразил.

От ушедшего на дно противника Андрею досталось копье с каменным наконечником, деревянный желоб непонятого предназначения, несколько дротиков с наконечниками из кремня и нож из того же материала с деревянной рукоятью. Пока Андрей с восторгом осматривал трофеи «Дыр-быр» ходила вокруг него, что-то говорила, всплескивала руками, всхлипывала, в- общем, вела себя, как и положено вести себя женщине в стрессовой ситуации. Жалко он не понимал, что она говорит, может и узнал бы что-то полезное.

– Иди домой, ты свободна. Да иди же ты!

– Дыр-быр-дыр.

Спасенная им молодая женщина оказалась на редкость приставучей и не желала пользоваться вновь появившейся свободой. Стоило ему двинуться

загруженным всем появившимся скарбом в долину, как она пошла следом. Он останавливался— и она стояла как вкопанная, только смотрит своими округлыми голубыми глазами, сопит в нос с горбинкой и непрерывно что-то говорит.

– Ну, хочешь со мной, так идем.

Вручил ей корзину с рыбой и дротики, у себя оставил копье, нож и странный деревянный желоб, с предназначением которого он еще не разобрался и пошли в каньон. «Дыр-быр» что-то бурчала за спиной, но не отставала, а спустя некоторое время и вовсе затихла.

«Дыр-быр» странно смотрела на его потуги добыть огонь трением. Распотрошенная трофейным ножом рыба давно уже ждала своего часа в глиняном коконе, а огонь все не занимался. Наконец ей надоел этот спектакль, она взяла нож и стукнула им наискосок по подобранному у ручья серому камню. Посыпались искры. Еще несколько ударов и собранные в кучку сухой мох и трава задымили.

– Спасибо, «Дыр-быр».

В ответ раздалось фыркание.

Они съели две рыбы и теперь лениво лежали у костра. Андрей рассматривал спасенную им женщину. Определенно, они были похожи друг на друга— у обоих был белый цвет кожи, вытянутая форма головы, небольшие подбородки, носы с горбинкой. Правда, фигура у нее была не такая массивная, как у него— ну так она женщина, им положено быть изящными. Андрей даже нашел ее симпатичной— еще бы одеть на нее нормальную одежду вместо кожаных тряпок, вымыть волосы шампунем, и получилась бы красивая девушка.

Андрея смущало одно обстоятельство— убитый ими темнокожий на современных ему людей был похож гораздо больше чем он или «Дыр-быр». Еще в школе он видел в кабинете биологии рисунок отображающую человеческую эволюцию. Художник нарисовал, как постепенно из обезьяны получался человек. Сначала обезьяна, потом двуногий похожий на обезьяну, затем какой-то почти человек ну и в конце гордо выпрямившийся разумный. Но он всегда думал, что процесс проходил линейно, а тут выходило, что кто-то вырвался вперед, как темнокожие, а кое-кто, как он или «Дыр-быр», не успел на поезд эволюции и остался на

обочине прогресса. То есть они и есть эти «почти люди» с картины. Правда, в отличие от картины осанка у него была даже более прямой, чем у обычного человека. Наверное, особенности строения грудной клетки, не иначе.

Получается, теперь существует два вида людей? Разве такое возможно? Почему бы и нет, есть ведь собаки и волки, были слоны и мамонты. Только он думал, что люди всегда были одного вида— этот самый человек разумный, который постепенно развился из обезьяны. Андрей решил, что он попал в тело неандертальца, про других древних людей он никогда не слышал. Но раньше он думал, что от них произошли современные люди, что они являются переходным звеном к настоящему человеку. Но тут что-то не складывалось. Судя по светлой коже и волосам это местные европейцы, а темнокожие это пришельцы с юга, которые не нуждаются ни в каком переходном звене. Оно у них было где-то в другом месте.

И что теперь? Что должно произойти дальше? Смешаются ли они и образуют единую человеческую общность или темнокожие перебьют таких как он и «Дыр-быр»? История человечества как-то не располагала к оптимизму. Насколько он помнил из учебников, люди всегда с удовольствием уничтожали непохожих на них цветом кожи, религией или языком, с чего вдруг здесь и сейчас должно произойти какое-то исключение, да еще по отношению к конкурентному виду. Сцена с убийством находившихся с «Дыр-быр» мужчин была достаточно красноречива сама по себе. Может в итоге победил не самый умный, а самый кровожадный и хитрый, то есть эти темнокожие. Скорее всего, так и произошло. А эти большеголовые остались в легендах в образе туповатых и кровожадных гоблинов, троллей и других сказочных персонажей. Смущало еще одно обстоятельство— все-таки, если пришельцы победили, то он является их потомком, а через два дня пребывания в этом мире он уже убил одного из них. Вдруг это был его предок. Нет, лучше не ломать над этим голову, а то можно и свихнуться.

– Андрей,– попытался он наладить контакт с «Дыр-быр».– Меня зовут Андрей.

Язык начал выговаривать слова почти нормально, видимо, тренировки не прошли даром или организм начал приспосабливаться к новому носителю.

Она молчала. Вот удивительное дело, ведь не замолкала ни на минуту, пока не пришли в его каньон, а тут ни одного слова, будто подменили.

– Меня зовут Андрей.

«Дыр-быр» повернулась к нему спиной.

Ну не хочет общаться, так и не надо. Со скуки начал рассматривать нож. Сделан он был явно мастером своего дела. По форме напоминал самый обыкновенный кухонный нож для разделки мяса с прямым режущим краем и притупленной широкой спинкой. Только из камня, а не стали. Каким-то хитрым способом к нему была прикреплена деревянная ручка. Вроде даже с использованием затвердевшего клея. Как он убедился при разделке рыбы, по остроте он мог поспорить с керамическими ножами его цивилизованной эпохи. Интересно, можно ли им побриться, а то очень уж ему надоела его борода.

Как оказалось, вполне себе можно. Конечно, совсем гладкие щеки и подбородок у него не получились, но вместо бороды лопатой с глади ручья на него смотрело вполне себе чистое лицо с небольшой щетиной. Выглядело оно лет на двадцать пять, не больше.

– «Дыр-быр», посмотри, как я получился.

Она посмотрела на него и, издав пронзительный визг, вскочила на ноги. Кажется, понимания его стремление внести прогресс в моду каменного века у нее нашло.

– Это я, Андрей.

– Дыр-быр-дыр, дыр-быр-дыр...

Вечерело. Андрей подкинул дров в костер, повернулся к нему спиной и пожелал спокойной ночи «Дыр-быр». Однако на пожелание она никак не отреагировала.

Глава третья: Охота

За ним гонялись темнокожие. Он пытался уйти от них вправо, к заросшим невысоким лесом холмам, где они не так быстры и он сможет оторваться, но группа из трех охотников каждый раз отгоняла его от спасительного пути. Кольцо загонщиков неумолимо оттесняло его на равнину, стараясь прижать к

реке.

– Грэль, грэль,– он слышит их возбужденные голоса. Чувствуют, что добыча уже никуда не уйдет и предвкушают победу. Уже к вечеру они будут обглаживать его кости, сидя у костра возле своего дома, сложенного из костей большого мохнатого зверя и накрытого шкурами большерогого быка. А «самый мудрый» разобьет камнем его голову и съест ее содержимое. Так племя темнокожих получит колдовское знание грэлей о травах, которые так хорошо заживляют раны настоящих людей. Конечно, было бы лучше, если бы им попалась женщина грэлей, они искуснее мужчин в таинстве врачевания, и из ее головы наверняка можно было бы почерпнуть больше мудрости, но после того, как настоящие люди пришли сюда, эти большеголовые убежали в горы и прячут там своих женщин. Только изредка глупый грэль рискует пробраться на равнину, чтобы поохотиться. Разве что сильный голод в семье вынудит его спуститься к реке, в надежде добыть оленя. А женщин- грэлей не видели очень давно.

Андрей стоял на обрыве у реки, опершись о копье. Дальше бежать некуда. В метрах двадцати полукругом стояли темнокожие. Они никуда не торопились, редкая добыча была уже у них в руках и никакое копье его не спасет. Она еще дышит, злобно смотрит своими ледяными глазами, крутит уродливой рыжей головой, но уже обречена. Конечно, лучше было бы взять его живым, чтобы «самый мудрый» мог по обычаю съесть содержимое его головы еще теплым, так больше шансов, что знания перейдут к нему, а не угаснут в мертвом теле грэля по пути домой, но и рисковать мужчинами племени, пытаясь скрутить крепкого грэля неразумно. Они начали раскручивать свои деревянные желоба и в его сторону полетели короткие копья...

Сон был ужасный, Андрей проснулся весь в поту от собственного крика. Тело сотрясала мелкая дрожь, руки ходили ходуном, бил озноб, а он никак не мог раздуть едва теплые угли потухшего костра. Потрясенный сновидением не сразу заметил, что нигде не видно «Дыр-быр». Ну вот, и она его покинула. Вроде только вчера хотел, чтобы она оставила его в покое и ушла по своим делам, а теперь ему стало грустно. Ясно теперь, почему «Дыр-быр» взяли в плен, а не убили. Для темнокожих это ценная добыча— женщина грэлей, наверняка обладающая знаниями о травах, от нее «самый мудрый» должен получить их в самом свежем виде, скотина такая.

«Дыр-быр» не взяла с собой ничего из добытых ими трофеев. Андрей чувствовал угрызения совести— может у нее было срочное дело, поэтому она и тянула его

все время куда-то. Пришла с ним в каньон и увидела, что он никуда больше не собирается, а занимается всякой ерундой вроде бриться— решила действовать в одиночку. Кто знает, какая ей сейчас опасность угрожает, а она даже дротиков с собой не прихватила. Порыв бежать на ее поиски он в себе подавил, следопыт из него так себе, скорее сам потеряется. Надо подождать и все обдумать.

А подумать было о чем. Этот сон дал ему больше информации об этом мире, чем все его предшествующие блуждания. Получалось, что здесь происходит отнюдь не мирная ассимиляция аборигенов пришлым высокоразвитым видом людей, а самый что ни на есть натуральный геноцид «настоящими людьми» своих «отсталых» родственников. Видимо дело происходило так— пришли темнокожие на территорию, на которой всегда жили эти «грэли», постепенно заняли все лучшие охотничьи угодья, оттеснили их в малопригодные для жизни предгорья. А для успокоения совести объявили их не людьми, а вредными созданиями, еще, наверное, и примитивное религиозное обоснование под это дело подвели с помощью «самых мудрых»— рассказывают у костров сказки детям, как грэли наводят порчу или пьют кровь младенцев темными ночами. Теперь этих рыжих можно без зазрения совести и съесть, и убить— они не более чем карикатура на человека, как шимпанзе. Ситуация, которая и в его мире происходила не раз, и не два даже в совсем уж цивилизованные вроде времена, когда от «дикарей» освобождались целые континенты. Сон, скорее всего, был связан с настоящим владельцем этого тела, но как он спасся, если его зажали у обрыва на берегу реки?

Андрей впал в апатию. Лежал у костра целый день, подбрасывая время от времени в него собранные сухие ветки. Запеченная рыба показалась ему невкусной. Не съел и половины. А она ведь была последней и завтра опять на рыбалку. Рутинка. Его надежды вернуться обратно в свое тело казались теперь ему призрачными. И тому было простое логическое обоснование— по шкале времени могущественная сила отправившая его в прошлое находится на тысячи лет в будущем, и если она закинула его в сознание неандертальца каменного века, то и обратную рокировку она могла бы сделать, пока он лежал в своем склепе с цветами, а не ждать начала его приключений в палеолите. Такой вот временной парадокс. И с чего он решил, что это разумная сила, может это вообще природное явление, тогда и вовсе ждать возврата в будущее наивно.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей решил устроить банный день. Ручей был довольно мелким, поэтому пришлось построить небольшую плотину, перегородив ее течение камнями. Результат порадовал— получилась каменистая

ванная с проточной водой. В ней он долго плескался, несмотря на прохладную погоду. Попробовал поплавать, но тяжелое тело «грэля» плохо держалось на поверхности воды. Нужно тренироваться, может, просто навыка нет. С отвращением посмотрел на свои кожаные обноски— не было никакого желания надевать их снова на чистое тело. Вымазал золой и речным илом и положил в ручей, придавив сверху камнями, чтобы не унесло течением.

-Дыр-быр-дыр,- услышал он за спиной знакомый голос.

- Дыр-быр-дыр,- голос потоньше.

- Дыр-быр-дыр,- совсем уж писклявый.

«Дыр-быр» вернулась, и не одна. Если бы Андрей не был, в чем мать родила, то можно было бы сказать, что он выпрыгнул от радости из штанов. С «Дыр-быр» были две светловолосые девочки лет примерно восьми и десяти.

Так вот почему она ушла. Очевидно, она спрятала девочек перед нападением и когда решила, что опасность миновала, то вернулась за ними. Если бы они находились в другом месте, например на стойбище, то она просто не успела вернуться в столь короткий срок. Кто они ей, дети или просто члены большой семьи?

Остатки рыбы были умяты буквально за минуты, Андрей с умилением глядел, как дети двумя руками хватают пальцами розоватое мясо и отправляют в рот. С одобрением отметил, что «Дыр-быр» практически не ест. Правильно— сначала надо накормить самых маленьких.

- Андрей,- сказал он, показывая на себя пальцем.

Как не странно, это сработало. Дети оказались гораздо коммуникабельнее «Дыр-быр».

- Гага,- сказала девочка постарше.

- Гага,- повторила тонким голосом вторая.

Вот и пойми, что они имеют в виду. То ли у них очень маленький выбор имен, то ли это означает что-то вроде девочки. Ну, пусть будут Гага Старшая и Гага Младшая.

- А это кто?- показал пальцем на «Дыр-быр».

- Нита,- на этот раз ответили хором.

- Нита,- сказал он, указывая на нее пальцем. Андрей— уже показывая на себя.

Старшая и Младшая залились звонким смехом, показывая то на Андрея, то на «Дыр-быр» и повторяя «Нита, Нита». Понятно, опять не угадал. «Нита» это или мама или тетя, а может еще кто-то, но никак не имя собственное.

- Грака,- вдруг показала на себя «Дыр-быр».- Потом показала на растущую у воды иву и повторила— грака.

На этом, впрочем, ее выступление не завершилось. «Дыр- быр» протянула руку к нему и сказала «Эссу». Потом показала на большой камень у ручья и сказала «эссу». Она не сказала «Андрей» или на худой конец «Андддрвв», а совершенно ясно назвала его «Эссу», что, по всей видимости, означало «камень». Это значит, что они каким-то образом знакомы. Как жаль, что при переносе в тело этого Эссу у него не сохранилось знание языка, да и некоторые умения не помешали бы.

- Эссу, идти еда.

- Опять за рыбой,- с тоской подумал Андрей.

С того дня, когда Грака пришла в его каньон вместе со Старшей и Младшей прошло примерно дней десять. Жизнь с той поры превратилась в какую-то службу, рутинностью и размеренностью напоминающую его работу в фирме по производству пластиковых окон и дверей. Раз в два дня они с Гракой шли на рыбалку, а остальное время проводили в своем убежище, по большей части бездельничая. Старшая и Младшая или играли в свои игры на берегу ручья, кидая мелкие камни в воду, или собирали дрова для костра в лесу. Первым порывом Андрея после появления Граки с девочками было уйти вместе с ними в их племя или семью, туда, где они там все вместе жили. Но, обдумав ситуацию,

решил обождать на месте. Сначала надо все-таки хоть немного выучить язык, понять, где расположены стоянки неандертальцев и темнокожих, а потом уже решать стоит ли вообще уходить из ущелья и куда. Может, его вообще не примут в чужую семью. Или придет на стоянку темнокожих прямо в лапы «самого мудрого». А стоянку, где находится семья Эссу, еще попробуй, найди.

Легче всего ему дался язык. Что не говори, а за прошедшие тысячи лет словарный запас у человечества вырос многократно. Учил язык он методом тыка— показывал пальцем на какой-то предмет, а затем спрашивал у Граки или детей как он называется. Несколько сотен слов дались ему дней за десять. Выстроенные предложения отсутствовали, как младенцы они сваливали в кучу несколько существительных— в принципе понятно, что «рыба» и «река» из уст Граки означает, что пора бы уже и позаботиться о пропитании, но когда он стал расспрашивать о более абстрактных вещах, то слов ей хватать перестало. Или Грака просто не могла понять, что он хочет узнать. И как объяснить на местном, что такое карта местности? Андрей предположил, что им и не нужно много слов. Жили своей жизнью тысячи лет, добывали зверя, растили детей— какой тут прогресс, и так все неплохо. Только вот потеплело и откуда-то пришли темнокожие, и наступил конец привычному миру. Прячься теперь в предгорьях от чужаков.

– Идти, рыба,– настойчиво прервала его философские размышления Грака.

«Идти» она сказала на русском. Научилась у Андрея, что нужно еще и обозначение движения. Ну, хоть какой-то прогресс он в этот мир принес, пусть и лингвистический. А то все «хей», «эй» и махание рукой в нужном направлении.

Идти, так идти. Взяли с собой две новые верши, которые сплела Грака и отправились на большую реку. Кстати, верши были с ляжками из скрученных веток, поэтому получились рюкзаки. Еще одно прогрессивное веяние, а то бы еще пару тысяч лет их не придумали бы. На всякий случай прихватил с собой копье и дротики. За прошедшее время он разобрался со странным желобом, с помощью которого в его сне темнокожие металы короткие копья, но сам так и не освоил его в полной мере, предпочитая метать их руками. Грака перед отходом строго наказала девочкам во время их отсутствия сидеть тихо и не шуметь. Интересно, что дети ее слушались и никогда не появлялись на поляне после их возвращения, пока они их не выкрикивали по имени.

На реке творилось нечто неопишное. Наступил пик нереста— рыба шла сплошным потоком. Андрею даже показалось, что река стала шире из-за вытесненной лососем воды. Два десятка рыб они поймали буквально за пару минут. Была бы соль, можно было бы ее завялить на зиму. Но где ее взять. Он спрашивал Граку про «белую эссу», но она просто пожала плечами. Решила, наверное, что это его очередная блажь. Может без соли попробовать посушить? Надо попытаться.

Грака не понимала к чему такая спешка. Обычно они отдыхали после ловли рыбы, но идея сделать запасы захватила Андрея целиком, загрузив добычу в верши, они быстро вернулись в каньон. До вечера они успели сделать четыре ходки до реки и обратно. Белобрисая недовольно фыркала, но слушалась. Решила, наверное, что Эссу сошел с ума уже окончательно, а психам лучше не перечить. Под вечер он с тоской посмотрел на скопившуюся гору серебристой добычи— ведь ее надо еще и почистить и развесить. А если она потом испортится? Все зря? До заката солнца, по очереди орудуя каменным ножом, они успели распотрошить, обезглавить и распластать на две части под сотню рыб. Освободили от хребта и, сделав надрезы на филе, подвесили за хвосты на веревках из ивы.

Старшая и Младшая с интересом наблюдали за возникшей суетой.

– Эссу, рыба много почему?

Неужели они не делают запасов? В принципе мясо вялится почти по такой же технологии. Как же они переживают зиму?

– Мы будем ее есть, когда будет холодно и еды станет мало,– ответил он на смеси русского и грэльского.

Судя по сморщенным лобикам, ответ их не убедил. Ну, подождите, припрет зимой голод, тогда поймете, какой Эссу мудрый.

Изматывающая заготовка рыбы продолжалась еще несколько дней, пока розовыми тушками не оказались заняты все теневые места у поляны. Хватит, уже и вешать некуда. И не рыбой же одной питаться весь год. Очень жалко было выкидывать икру, но что с ней делать. Ни банок, ни соли. А сразу всю не съешь

даже при помощи таких прожорливых троглодитов.

– Грака, Гаги, сегодня мы никуда не идем. Выходной.

Андрей поймал себя на мысли, что как-то незаметно в их общении появляется все больше русских слов. Особенно легко перенимали новые слова дети, но и Грака их использовала. Конечно, они их безбожно коверкали, проглатывали гласные, не там ставили ударения, но понять их было можно.

С утра проверил рыбу, убрал тушки, которые начали пованивать, остальные вроде подсушивались нормально. Если все пойдет по плану, этих пяти сотен рыб вполне хватит на четверых продержаться до весны. Знать бы точно, когда здесь наступает зима. Затем, несмотря на сопротивление, заставил всех искупаться в своей ванной. Намазал золой головы и тела Старшей и Младшей и окунул визжащих детей в воду. Грака смотрела на это с каким-то ужасом. Сама она категорически отказалась нырять в воду. Может, стесняется? Он показал ей жестом на ручей, деликатно отвернулся и пошел осматривать свой каньон. Решил пройтись до конца вдоль одного берега ручья, а вернуться— противоположным. Весь путь занял часа два, не больше. Чем дальше шел, тем больше Андрей удивлялся своей удаче— природа создала прямо-таки идеальное убежище. Высокие отвесные каменные стены отделяли каньон от основного ущелья, поэтому можно не бояться хищников, разве что двуногих, достаточно воды, много деревьев. Нашел еще две уютные поляны у ручья. Удовлетворенный увиденным, вытянулся на нагретом солнцем большом плоском камне, и прикрыл глаза.

Его зажали у обрыва темнокожие. Внизу река, которая течет белой пеной между огромными камнями, напротив— стоят полукругом противники. Ловушка захлопнулась. Прыгнешь вниз— разобьешься об валуны, нападешь— просто не успеешь воткнуть копье в противника, закидают короткими копьями на расстоянии. Эти копья они специально изготавливают для убийства себе подобны— в охоте на крупного зверя они бесполезны, а в мелкого ими трудно попасть. Говорят, что за этими темнокожими пришли другие, но Эссу их еще не видел. Копья, которые они метают с помощью кривой палки, концы которой соединены кожаным ремешком, совсем тонкие, зато летят очень далеко и раны от них очень долго не заживают. Хитроумные, подлые создания. Эта равнина у реки всегда кормила много семей людей и дичи хватало всем.

Когда-то сюда пришли темнокожие, живущие очень большими семьями. Эссу даже думает, что не все члены семьи знают друг друга, хотя разве это возможно? Говорят, что не все мужчины у них ходят на охоту, а некоторые сидят вместе с женщинами в высоких домах, получая при этом лучшие куски добычи. Они их называют «самые мудрые». Опять же говорят, что сначала темнокожие мирно жили с людьми, но их становилось все больше и больше. И охотились они нечестно. Осенью их большие семьи объединялись, чтобы бить зверя. Они так ее и называют— «Большая охота». Чернокожие загоняли огромные стада быков, оленей и даже больших мохнатых зверей в ловушки и убивали их. Забрав только малую часть добычи, оставляли гнить остальные туши. Когда добычи стало мало, то они прогнали людей отсюда в горы. Но там совсем тяжело— нет большого зверя. Иногда по четыре захода солнца уходило у Эссу, чтобы добыть осторожного криворога. Опытный охотник Эрук сорвался в пропасть этой зимой, при попытке добыть его. А молодой Рэту недавно просто пропал, его так и не нашли. Дети стали рождаться редко, а те, кто все же появился на свет, не доживает и до второй зимы. Некоторые семьи уходят отсюда на закат, говорят, что там еще нет темнокожих и много добычи. Когда осенью Рэту хотели привезти себе жену из семьи большеносых, то их уже не нашли на стоянке у Круглой горы. Наверное, и семье Эссу надо было отправиться вслед за ними.

- Грэль, грэль,- темнокожие начали раскручивать свои копьеметалки.

Эссу метнул в их сторону свое копье и бросился вниз с обрыва.

Андрей задумчиво ковырял в зубах сорванной веточкой. Подумать было о чем. Кажется, этот Эссу был на редкость везучим типом, раз выжил после прыжка с обрыва— умудрился нырнуть в воду аккурат между валунами, не захлебнулся в течении горной реки, да еще и выплыл из стремнины не умея плавать. Молодец, парень. И информация, которую он донес, очень важная. Идти в горы искать сородичей кажется теперь делом бесперспективным. Даже если найдешь, то могут и прогнать. Кому нужен под зиму неумелый охотник с женщиной и двумя маленькими девочками. Гуманизмом здесь не страдают— отправят подальше, чтобы не объедали членов семьи. Это в случае, если все не ушли на запад как большеносые. А что там у нас на западе— Пиренеи и будущая Испания. Там хорошо и тепло, но надолго ли остановят невысокие горы темнокожих. Придут и туда, если уже не пришли, и начнется все сначала— снова попрячутся люди по горам, эти «настоящие люди», которые являются по всей видимости никем иными как кроманьонцами, быстро перебьют всю добычу, а куда бежать с Пиренеев— дальше океан.

Ну что за он человек такой. Что принес он в этот мир за время, как сюда попал. На руках одна женщина и двое детей, и что он сделал, чтобы им помочь. Скоро зима, а нет ни дома, ни одежды, ни еды, ни обуви—даже лапти не сплел. Внезапно проявившееся самоедство городского хипстера начало грызть Андрея изнутри. Разозлившись на собственную бестолковость, схватил большой булыжник и в ярости швырнул сквозь редкие кусты колючего шиповника в высившуюся за невысоким бугорком скалу. Ожидаемого сухого треска от удара он не услышал, камень полетел куда-то дальше и только затем до ушей дошел глухой звук.

Это что еще там? Злость улетучилась так же быстро, как и появилась, сменившись любопытством. Полез к скале, не обращая внимания на колючки. За бугром у основания скалы оказался вход в пещеру, куда он и угодил своим булыжником. Постоял у входа, вслушиваясь в звуки. Вроде бы тихо. На всякий случай швырнул внутрь еще несколько камней—никакой реакции. Кажется, не занято. Да и если был бы тут крупный зверь, его следы встречались бы по всему каньону. Андрей зашел вовнутрь, прошел несколько метров и остановился—слишком мало света. Надо вернуться сюда позже, сделать факелы из сухих веток и обследовать пещеру поподробнее.

На поляну он вернулся полный планов на ближайшее будущее. Андрей почти определился с тем, что зимовать они будут в каньоне и теперь срочно нужно подумать об одежде, припасах на зиму и прочих бытовых вещах. А более глобальные перемены решил отложить до весны.

Вот грязнуля, подумал Андрей.

Грака и не подумала лезть в воду в его отсутствие. Между тем дети выглядели вполне себе довольными, явно успели уже не раз искупаться и теперь снова собирались в успевшую нагреться воду. Это хорошо, к чистоте надо приручать с детства.

- Дагар, дагар,- крикнули гаги, прежде чем нырнуть.

Похоже это название каменистой запруды на грэльском. Ну а если Грака не хочет лезть в воду, то это ее дело, не жена же она ему, чтобы командовать ею. Кстати, кем она приходилась Эссу, с этим надо бы как-то разобраться.

- Грака, Эссу утром идти охота.

Белобрысая удивленно вылупила свои и без того круглые голубые глаза. Женщины здесь не ходят охотиться что ли? Или не поняла? Завтра будет видно.

Охота оказалась на редкость нудным делом. Они просто шли на небольшом отдалении от реки, чтобы не потеряться, в надежде на удачу. Андрей раньше читал, как опытные охотники по следам определяют, что за зверь прошел, давно ли и в каком направлении двинулся дальше. Так вот, здесь этот метод не действовал. В высокой траве следов видно не было вообще, самому бы не влезть прямо в пасть какому-нибудь саблезубому тигру.

Что-то он делал неправильно, может есть специальные места для охоты— у водопоя или в ложбине между холмам. В этой степи добычу можно увидеть, только наступив на нее. Андрей все больше раздражался бесплодному хождению. Хорошее настроение, которое был у него утром, улетучилось. А говорили, что в каменном веке водилось столько зверя, что только ленивый мог остаться без добычи. Может все-таки на рыбалку сходить?

А одежду тоже из рыбы будешь делать, ехидно спросил он сам себя.

Под давлением скептического взгляда Граки, которая, кажется, с самого начала не верила в эту затею с охотой, он повернул в сторону реки и решил возвращаться обратно вдоль ее берега. Наверное, судьба, так зло подшутившая над ним закинув в тело этого древнего человека, в качестве компенсации выдала большой кредит везения. Из-за закрывавшей все пространство высокой травы он сначала увидел только рога. Это было нереально— таких рогов не бывает в природе, их размах составлял метра 3-4, не меньше. Это какую голову надо иметь, чтобы носить такое украшение. Не меньше чем у слона, наверное. Владелец этого чуда направлялся в ту же сторону, куда и они— к реке.

Грака вдруг собралась, как кошка перед прыжком.

- Большерог,- прошептала она.- Эссу, идти копые.

Что за большерог такой? Какое-то копытное, бык или олень? Из-за проклятой травы по прежнему видны только огромные рога. Возможно, опытный охотник прокрался бы ближе и нанес удар копьем в упор в бок, благо ветер дул им

навстречу и учуять их раньше времени обладатель шикарных рогов не должен. Но Андрей никуда «идти» вопреки совету Граки не стал, а просто метнул свое копье метров с двадцати туда, где по его предположению должно было находиться туловище зверя.

Вроде попал. Большерог подпрыгнул, заревел, а затем рога стали быстро удаляться в сторону реки.

– Скорее, за ним.

Грака шипела за спиной, наверное, ругая его за преждевременный бросок. Рога в последний раз показались над травой, а затем вдруг исчезли. Это был большой олень коричневого окраса и с белой грудью. В холке, пожалуй, под два метра. И как только он носил свои рога и для чего они ему. Копье Андрея угодило прямо в массивную шею, которая по форме напоминала таковую у лося. Своим оружием он задел какую-то артерию и бедняга просто истек кровью— белая шерстка стала почти красной. Бросок получился на редкость точным, но не только это стало причиной удачной охоты. В боку у животного торчал дротик, получается, что он просто добил ослабленного потерей крови оленя. Большерог засучил в агонии ногами и затих. Грака вприпрыжку скакала вокруг него, а Андрей думал, как бы перетащить эту гору мяса в каньон. Одним разом сделать это было нереально.

К полудню разделка большерога была завершена. Надо было торопиться, пока запах крови не привлек хищников. Или тех, кто запустил в оленя своим дротиком— вдруг они идут по следу Хорошо, что ушли не так далеко от своей стоянки, а то пришлось бы оставить на месте большую часть туши. Разделали большерога прямо на месте. Затем загрузили в шкуру столько мяса, сколько смогли поднять вдвоем, и поплелись домой. После второй ходки оставил Граку перетаскивать через скалу в каньон принесенную добычу, а сам поспешил за оставшейся на месте частью туши. Лучшие части они уже забрали, но и оставлять степным падальщикам ничего не хотелось. Андрей уже предвкушал, какой пир он устроит для своей маленькой компании, как обрадуются Старшая и Младшая жареной на углях печени, да и самому ему рыба изрядно поднадоела.

Пока свеживали большерога они с Гракой сильно натоптали. Вокруг места разделки образовалась округлая проплешина из примятой травы. Он вышел на нее и уже стал примериваться, как бы поудобнее ухватиться за оставшуюся среднюю часть туши, как из окружающей высокой травы появились темные

фигуры.

Ну вот, кажется, и все. Застигли, так сказать, без штанов. Сейчас воткнут копьё под ребро и прощай, каменный век, запрыгали мысли в голове у Андрея. За спиной есть кто, может рвануть назад?

Обрушившийся на затылок удар опередил его намерение.

Глава четвертая: Плен

Оглушили его не так, чтобы сильно. Голова болела, но терпимо, шею щекотала подсохшая кровь, а в остальном вроде все было нормально— не убили сразу и слава богу. Это только у мертвых нет шанса на спасение. Темнокожие заметили, что пленник очнулся, и подбодрили его тычком древка копья. И почему они его сразу не убили? Ах да, «самый мудрый» должен съесть его мозги в свежем виде. Андрей ухмыльнулся. Знали бы они, что все его знания в медицине, это умение проглотить таблетку по рецепту врача.

Дождавшиеся пробуждения Андрея темнокожие сразу же двинулись в путь. С чувством облегчения Андрей отметил, что пошли они в сторону противоположную от каньона— навстречу солнцу. Во всяком случае, Граке и детям опасность пока не грозит. Уже хорошо. Руки ему связали за спиной кожаными ремнями, а вот ноги оставили свободными. Время от времени кто-то из них бил его по спине тупым концом копья, хотя средний темп ходьбы группы он выдерживал. Наверное, чтобы грэль не забывал, что он в плену. Через несколько часов Андрей начал тупеть— он ничего не видел кроме травы и спины идущего впереди темнокожего, слышал голоса, когда они переговаривались, но не понимал ни слова. Язык был совсем не похож на тот, на котором разговаривала Грака и детьми.

Заночевали они на большом холме с широкой плоской вершиной с тремя камнями, похожими на огромные зубы великана, изъеденные кариесом. Кроме рук ему связали теперь еще и ноги и оставили лежать на боку. Ночью Андрей попытался потихоньку освободиться от пут, но очередной удар копьем прервал его шевеленья, ясно показав, что он под наблюдением. В путь двинулись с восходом солнца. Он старался запомнить дорогу, кто знает, может пригодиться, если удастся убежать, а может и нет— если его съедят еще сегодня. «Трехзубый» холм весьма приметный, отсюда он дорогу домой найдет легко. И

почему они так долго идут, неужели темнокожие охотятся так далеко от своих стоянок. Это же замучаешься тащить добычу. Хотя чего ее тащить, сама идет, только успевай стучать палкой по спине. Ближе к заходу солнца темп ходьбы ускорился.

Хотят успеть на стоянку до темноты, догадался Андрей. Значит, развязка уже близка.

На стоянку кроманьонцев(Андрей решил называть их так, именовать их «настоящими людьми» ему не хотелось) пришли уже в сумерках. Из-за позднего времени суток ажиотажа их появление не вызвало. Он-то воображал, что за пойманного живьем грэля охотникам в племени устроят торжественную встречу. Но все оказалось банально— ему в очередной раз связали ноги и закинули в какое-то вонючее помещение. Андрею стало даже обидно, думал, что посмотреть на него сбегутся вождь, охотники, женщины и дети, которые будут тыкать в него пальцем и кидать всякий мусор. А тут закинули в кладовку как ляжку добытого на охоте большерога, и дело с концом.

Вонь была повсюду. Казалось, она висела невидимым, но густым облаком над всей стоянкой кроманьонцев, проникая глубоко в ноздри— как не старайся дышать только ртом— в глаза и даже через кожу. Утром Андрея вытащили из «кладовки», которая оказалась ничем иным как землянкой, накрытой шкурой какого-то большого животного, и так и оставили валяться на земле. Ноги ему оставили связанными, а вот руки развязали. Дать поесть, правда, позабыли. И вот он сидит и вдыхает «ароматное» амбре от гниющих внутренностей, костей, шкур и человеческих испражнений. Сначала он решил, что его определили на свалку для мусора, но нет, насколько он мог судить, сидя на земле, все было проще— пахучие кучи валялись повсюду в пределах видимости. Судя по всему, образовались они стихийно: кто-то разделал зверя и так и оставил остатки шкуры и содержимое внутренностей рядом с домом, или приспичило кому-то по нужде— тоже незачем далеко отходить. Обитателей стоянки смрад совсем не смущал. Излишне чувствительным обонянием они, по всей видимости, не страдали. Это его избалованный цивилизацией нос оказался слишком привередлив. Интересно, почему их называют пещерными людьми? Никаких пещер он не наблюдал, и все темнокожие, судя по всему, жили в таких же землянках, как и та, в которой он провел ночь. Строения похожие на шатры он тоже видел, но их было мало, и конструкция у них была на редкость убогой. На ребра больших животных, наверное, мамонтов, накинули вместо крыши все те же шкуры, и домик готов.

Утром, когда Андрея только вытащили из «кладовки», случился небольшой ажиотаж— собралась толпа, в основном женщины и дети, что характерно, все щеголяли голышом. Они покричали, пошипели, кто-то пнул ногой связанного ремнями грэля, затем пришел старичок с хитрым взглядом, судя по всему тот самый «самый мудрый», удовлетворенно посмотрел на добычу, покричал на женщин и ушел. Если «самый мудрый» это в самом деле шаман, то Андрей представлял облик людей говорящих с духами как-то по-другому— одетыми в шкуру волка или медведя, с козлиными рогами на голове. Может из-за жары снял свои атрибуты? Или до понятия «духов» кроманьонцы еще не созрели и поклоняются Солнцу или Луне? Уже к полудню никто на грэля внимания не обращал— привыкли. Раз уж его оставили в покое и в ближайшие часы убивать не собирались, то Андрей прикрыл глаза, чтобы спокойно обдумать увиденное.

Он заметил, что эти темнокожие отличаются от тех, кто убил мужчин сопровождавших Граку. Сложением они были похожи, такие же сухопарые и высокие, но вот форма головы выглядела совсем иначе. Если у первых были плоские лица как у эскимосов, но при этом длинные тонкие носы, то почти у всех виденных им обитателей стоянки средняя часть лица сильно выдавалась вперед. Интересно, вроде живут на одной территории, а отличаются друг от друга сильнее, чем люди XXI века разных рас. Загадка. Может и мозги грэлей у них в отличие от собратьев по виду не в почете? Хорошо бы, если это было так. Племя кроманьонцев долго задерживаться на своей стоянке, кажется, не собиралось. Невозможно постоянно жить в таких условиях. Или от эпидемий перемерут, или мусор завалит все пространство стоянки метровым слоем, и они задохнутся от вони. Поживут, нагадят, перебыют в округе всего зверя и, собрав свои пожитки, двинут дальше— искать места получше. В самом деле, зачем в таких условиях обустроиваться надолго, а пожить год-два и в землянках можно. Какой-то непрерывной хозяйственной деятельности Андрей на стоянке не заметил. Все темнокожие проходившие мимо него выглядели довольно расслабленно, никто никуда не спешил. Орудий труда тоже не заметил, или они хранились внутри помещений. Видел женщин со шкурами, некоторые из них держали в руках что-то похожее на шило, скорее всего, изготовленное из кости.

– Грэль, грэль.

Это еще кто? Вроде все желающие с утра уже удовлетворили любопытство, поглазев на редкую добычу. Андрей открыл глаза. В нескольких шагах от него стояла чумазая девочка лет семи, не больше, и с восторгом на него смотрела. Потом убежала куда-то и появилась через короткий промежуток времени с

куском вареного мяса.

– Грэль! Ам!

Близко не подошла, опасливо кинула еду и отскочила на шаг назад.

– Ам!

Спасибо, добрая девочка. Он взял кусок пованивающей еды и проглотил его буквально в два укуса. Надо же, подсоленная. Значит про «белую эссу» здесь все-таки знают. И как-то умудряются варить мясо без керамики. Девочка взвизгнула от восторга и исчезла. Появилась через несколько минут с еще одним куском мяса.

– Ам!

Суету рядом с Андреем заметили. Появившийся откуда-то голый мужчина отвесил девочке затрещину, а когда она заревев, убежала, поднял с земли мясо, затем двинул ему в живот палкой. Андрей согнулся от боли, прошипев проклятия в адрес своего предка. И чего они все голые ходят на этой стоянке, охотники, которые его захватили, были пусть и скудно, но одеты.

Опасения Андрея, что его съедят сразу же, как приведут на стоянку, не оправдались. День шел за днем, а на ночь его связывали и закидывали в землянку, остальное время он сидел рядом с ней, ощупываемый равнодушными взглядами темнокожих. Чаще всего его навещала маленькая девочка, которую он прозвал Ам, приносящая с собой еду. Наказание за общение с грэлем ее, кажется, не пугало. Несколько раз приходил «самый мудрый», осматривал оценивающим взглядом, как мясник бычка перед убоем, и уходил, удовлетворенный состоянием добычи. Андрей пытался найти ответ на вопрос, почему он еще жив. Не для того же его поймали, чтобы он отсиживался на стойбище. На то могли быть самые разные причины. Как мистического свойства, вроде того, что съесть его необходимо, например, непременно при свете полной луны, а она как раз через несколько дней должна была достичь этой стадии, так и самых прозаических— еды сейчас вдоволь и незачем портить живые консервы. А может просто большинство охотников еще не вернулись из рейда за добычей, вот и ждут их. Мужчин на стойбище он видел совсем мало— в основном женщины и дети. Как бы то ни было, но Андрей прямо-таки кожей чувствовал,

что время утекает, и если он хочет задержаться в этом мире еще хоть немного, то нужно думать о побеге. И как там Грака с девочками, тяжело ей, наверное, одной к зимовке готовиться.

- Ам!- прервал его грустные мысли детский голос.

Ам принесла ему поест, сунула еду прямо в руки и села рядом. Кажется с едой в племени стало туговато— притащила раздробленную с одного края кость крупного животного. Видимо, это была ее обеденная порция. Кость выглядела так, словно ее только что освободили от земли или глины. Получается, они все-таки делают запасы на черный день— хранят крупные кости в земле или обмазывают глиной. Не протухла ли? На вкус костный мозг оказался вполне себе съедобным. В последние дни Ам совершенно перестала его бояться, сидела рядом и лепетала новости на своем языке. Андрей кое-как понимал ее— детский язык похож во все времена. «Папа», «мама», «кушать», «гулять» и еще несколько слов хватит, чтобы описать мир ребенка.

Ам была не в настроении. Тихо сидела рядом и постукивала ивовой веткой по земле. Андрею стало жаль ее. Он уже высосал мозг из кости, поранив язык острым краем.

Вот он дурак. Лопает здесь мозговую кость, а надо бы ее как-то закинуть незаметно в землянку и попытаться перерезать острым краем ночью ремни.

- Ам, дай ветку! Сейчас я тебя развеселю.

Надо вспомнить, как это он делал в детстве. Аккуратно отрезал острым краем кости кусок длиной в десять сантиметров от ветки, сделал надрез ближе к одному краю. Посередине краем кости прорезал кору по окружности. Получилось. Теперь надо ее снять как кожух, с самого краю палочки сделать продольный разрез. Теперь углубить разрез, отмеченный на палочке. Андрей увлеченно работал. Ам смотрела на его действия, широко раскрыв свои карие глаза. Андрей закончил работу и, довольно улыбаясь, смотрел на получившийся свисток. Вернул кору назад и дунул. С первого раза не получилось. Расширил зазор на конце палочки и дунул снова— раздался свист.

- Держи!

Ам была счастлива. На необычный звук сбежались все дети племени. На шум явился и «самый мудрый». Настороженно посмотрел на грэля, на довольную девочку и, покачав головой, ушел. За ним исчезла и ватага детей вместе с Ам. До вечера ее видно не было, но периодически с разных концов стоянки до него доходили звуки свистка. Ам прибежала перед самым закатом солнца. Она улыбалась, держала свисток в руке и смотрела на него влюбленными глазами. Дуть в свою новую игрушку у нее, кажется, уже не было сил.

– Ам, возьми кость и закинь в землянку.

Не поняла. Он показал жестами, как просыпается и ночью грызет кость. Теперь дошло. Грэль может проснуться ночью и захотеть есть. Ам взяла кость и пошла в сторону землянки. Хоть бы ее не заметили, когда его связанного будут закидывать в ночную тюрьму.

Пронесло. Он упал прямо на кость, связавшие ему руки охотники даже не осмотрели землянку— видимо, куда-то торопились. Андрей прождал еще немного, зафиксировал кость коленями и начал пилить ремни острым краем. Пот заливал ему глаза в его душной тюрьме, прошло уже несколько часов, а он все никак не мог освободить свои руки. Сыромятные ремни оказались на редкость крепкими. Надо отдышаться. После отдыха продолжил пилить дальше. Вроде дело пошло, показалось, что на ремнях появились надрезы. Андрей напряг мышцы рук, ремень, наконец, лопнул, небольно шлепнув разрезанным концом по носу. Дальше пошло веселее— размяв руки быстро освободил от пут ноги. Привстал и тут же упал на вонючий пол— ног он не чувствовал, затекли. Наконец противные мурашки в стопах пропали, и он подполз к выходу и, приподняв край шкуры, выглянул в образовавшуюся щель.

Над стоянкой темнокожих стояла тишина. Он все-таки припозднился, небо на востоке начало подавать первые признаки наступающего утра.

Андрей вылез из землянки и остановился. Не было видно абсолютно ничего, и даже луна не могла помочь, закрытая тучами. Если бежать сейчас, то гарантированно провалишься в какую-нибудь землянку. Или еще хуже— поскользнешься на вонючей куче и сломаешь себе ногу или руку. Уползти за стоянку, а когда немного посветлеет, и уже тогда бежать со всех ног? План выглядел разумным. На животе он прополз через всю стоянку кроманьонцев,

пока не уткнулся в нависшую над ней скалу. Надо подождать и дожидаться промежутка времени, когда будет хоть что-то уже видно, но темнокожие еще не заметят, что он пропал. Андрей прилег у подножья скалы и с надеждой посмотрел на восток. Еще немного и можно будет двинуться в путь.

Время тянулось бесконечно и вот, когда глаза начали различать смутные очертания предметов, недалеко от себя он услышал какой-то шорох. Зверь или человек? Андрей замер— неужели так глупо попался. До него донесся шепот, все-таки человек, и, похоже, не один. Но куда он крадется, идти тайком на свою стоянку в темноте, ни один нормальный кроманьонец не будет. Значит— чужак. Шуршанье продолжилось и в метрах десяти показались силуэты трех вооруженных копьями темнокожих, а у одного из них в руках он заметил лук. Наверное, это недавно появившееся племя, охотники которого швыряют тонкие копья, то есть стрелы, о которых слышал Эссу. Ждут того же чего и он— пока посветлеет. Кажется, эта стоянка обречена, вряд ли чужаки решились напасть на целое племя втроем, значит, рядом еще есть люди. Ну что же, все оказалось еще проще, надо дожидаться нападения и спокойно уйти, пока здесь будет твориться внутривидовая резня. Искать его будет некому. Андрей даже позлорадствовал, вот только Ам жалко...

Уже несколько часов со стороны стоянки слышались крики. Все-таки, он так и не вжился в каменный век. Андрей ни секунды не сомневался, что настоящий Эссу бежал бы отсюда не испытывая ни капли сожаления. А он, взобравшись на скалу, терпеливо ждет конца побоища. Сверху все прекрасно было видно. Сражения как такового не было. Сначала быстро перебили стрелами и дротиками мужчин— вот оно, технологическое превосходство, а теперь обыскивают землянки и шатры в поисках укрывшихся. Периодически раздаются крики, когда кого-то убивают. Когда все кончится, для очистки совести он осмотрит территорию— вдруг Ам догадалась спрятаться.

Андрей хорошо рассмотрел чужаков, напавших на стоянку. Судя по всему, это те же самые темнокожие с плоскими лицами, которые перебили сопровождавших Граку мужчин в день их знакомства. Это что, экспансия нового агрессивного племени, освобождающего для себя территорию?

Крики наконец-то затихли. Изнывающий от нетерпенья Андрей все ждал, когда плосколицые уберутся к себе домой. А они все ходили от землянки к землянке, собирали добычу, сбивали в кучу немногих уцелевших из племени Ам, а кто-то

уселся поест трофейной еды. Сверху Андрей насчитал примерно два десятка победителей. Были бы все охотники на стоянке, еще непонятно, далась бы им победа так легко. К полудню на восток потянулась пыхтящая под тяжестью добычи вереница плосколицых, перед собой они гнали с десятков молодых женщин и девочек, среди которых выделялась фигура пожилого мужчины. «Самый мудрый», надо же, он то им зачем? Андрей с огорчением отметил, что по виду никого моложе десяти лет среди пленников не было.

Его ожидал неприятный сюрприз, со стоянки ушли не все— два темнокожих остались сторожить добытые в бою трофеи. Значит, не сегодня так завтра остальные вернутся за оставшимся здесь скарбом. Пора что-то предпринимать или уходить. Андрей увидел, как один из темнокожих скрылся за холмами. На охоту ушел или окрестности решил осмотреть? Лучшего шанса могло не представиться— все-таки один противник это не два.

Стоянка напоминала бойню— всюду валялись голые тела женщин, детей и немногочисленных мужчин, если на последних были резаные и рваные раны, то остальные лежали по большей части с повреждениями головы от тупых дубинок. Понятно— хрупкие лезвия ножей и острия копий надо беречь.

Как это не странно, но плосколицего он отыскал у своей землянки— шкуру служившую крышей он убрал, и теперь хмуро изучал помещение сверху. Долго смотрел на его следы, отпечатавшиеся у входа и, упершись взглядом в землю, последовал по ночному маршруту Андрея. Неужели он сразу отличил следы грэля от всех других? Или напавшие знали, что он находится на этой стоянке? Может второй оставшийся на стоянке плосколицый пошел искать его? Взять бы этого следопыта в плен, поговорить по душам о местных реалиях, но, увы— не уверен он, что сможет скрутить опытного охотника, да и языки, на которых они говорят совсем разные. Не поймут друг друга.

Убил он его не по-рыцарски— со спины. Опустил большой камень на голову, когда плосколицый сидел на корточках, разглядывая оставленные грэлем следы. Забрал его копье и примитивный лук с вязанкой стрел. Неудобно же таскать, до колчана изобретательная мысль агрессивного племени еще не дошла. Подобрал валявшийся у голого трупа нож и несколько дротиков. Все, хватит трофеев, а то идти будет тяжело. Из любопытства заглянул в шатер, в котором жил «самый мудрый». Помещение как помещение, ничего особенного. Подобрал с пола «шило» из кости, пригодится, а в углу нашел мешочек грязноватой соли. Не сразу даже и понял, что это «белая эсса», пока не лизнул.

– Аааам! Ааааам!

Он бродил по стоянке, выкрикивая имя девочки. Среди трупов он ее тельце не обнаружил, может и успела спрятаться в какую-то одному ей известную по детским играм норку. Обыскивать каждую землянку в отдельности времени не было, мог вернуться второй плосколицый— вот и драл свою глотку.

– Ааааааааам, да где же ты, это я, грэль, тьфу ты...

Ам нигде не было, ну что ж, он сделал все что мог. Может она вообще успела убежать со стоянки и прячется где-то в расщелине. В последний раз обошел по периметру стоянку и вернулся к скале, чтобы передохнуть в тени и двинуться в путь по саванне прямо на запад к Граке и детям.

– Ам, выходи, это я,– крикнул еще раз уже без всякой надежды.

В ответ он услышал трель свистка, он повторился, а потом и вовсе уже не замолкал. Андрей подскочил и побежал на звук. Она сидела, сжавшись в комочек в кустах редкой колючей растительности со свистком в руке. Увидев его, бросилась навстречу и обняла за ноги. Бедная девочка, надо ли показывать тебе, что случилось с твоими родными. Ведь среди трупов он заметил и того мужчину, который наказал тебя за принесенное грэлю мясо. Но, кажется, она знала, что там случилось. И отказывалась идти в сторону стоянки. Ну что же, тем лучше. Он взял ее на руки и пошел на закат солнца.

Шли они уже третий день. Долго. Все-таки бежать, подгоняемому ударами охотников, и с ребенком на руках это не одно и то же. Холм со скальными «Зубами великана» он увидел издалека. Даже прослезился— значит он идет верной дорогой и до дома совсем уже близко. Когда его взяли в плен, то путь до холма с места разделки большерога занял световой день, а сейчас, с ребенком на руках, займет два, но это уже неважно. Скоро он будет дома.

На этом месте он ночевал вместе с незадачливыми охотниками племени Ам, когда попал плен. На вершине обнаружилась даже проплешина от костра. До темноты еще есть время, но очень уж он устал. Надо развести костер и подстрелить какую-нибудь птицу на ужин. Все-таки лук это великое изобретение для охоты на мелкую дичь, или на человека с его тонкой кожей.

Зависит от предпочтений охотника. Птицу серебристого цвета, похожую на обыкновенную курицу, но крупнее раза в два он подстрелил прямо на холме. Странно, почему местные предпочитают крупных животных для охоты, одной пернатой добычей можно обеспечить небольшую семью. Распотрошил тушку ножом и вымазал прямо в перьях глиной. Костер из предосторожности развел в ложбинке за большим камнем, незачем светиться на всю округу. Ам уснула на ворохе травы. Он не стал ее будить— пусть поспит пару часов, птица не рыба, готовиться будет долго.

Под самый закат Андрей выкатил палкой глиняный кокон из углей и разбил его— кругом разлился аромат запеченного мяса. Вместе с глиной ушли и перья— очень удобно, не надо мучиться и очищать тушку. Ам начала во сне принюхиваться и открыла глаза.

- Эссу(от грэля он ее отучил в первый же день совместного путешествия), ам!

Столом послужил плоский камень, который он накрыл большими листьями какого-то растения, похожего на лопух. Ам схватила ножку птицы и вкусно зачавкала. Как все-таки ему не хватало соли. Еда сразу стала какой-то насыщенной и ароматной. Или это на контрасте с кормежкой в плену у темнокожих ему кажется.

Ам так и уснула с надкусанным крылышком птицы в руке. Как только стемнело, Андрей взобрался на самый высокий из «зубов» и стал осматривать окрестности. Ничего необычного не увидел и тоже улегся спать рядом с девочкой. Но что-то его беспокоило, он ворочался с боку на бок на охапке травы и наконец, когда полная луна спряталась за тучу, снова полез на камень. Андрей долго всматривался в темноту на востоке, но так ничего и не увидел. Ругая себя за паранойю, хотел уже слезть со своего наблюдательного пункта и вдруг заметил на западе мерцающий огонек далекого костра. Интуиция, не дававшая ему спать, не подвела. Он не сомневался, что это погоня плосколицых. Он шел медленно, вот они и опередили его. Надо завтра каким-то образом пробраться мимо них.

Разбудил Ам еще ночью и с первыми лучами солнца они двинулись в путь. Андрей решил сделать крюк через горы, куда темнокожие лезть не любят. А что ему еще оставалось— не идти же прямо в засаду. Ам уселась на его широкую шею и что-то чирикала. С каждым днем она все больше отходила от случившейся с ее племенем трагедии, часто смеялась, а поговорить она,

кажется, любила всегда.

За половину дня прошли, дай боже, пару километров. Горы были не такими уж и высокими, но все пересекающие ее звериные тропинки вели или прямоком на равнину, или куда-то совсем уж вверх, к вершинам. А туда им не надо, нужно всего лишь обогнуть засаду. Плюнул на тропы и пошел прямо по примыкающему к равнине хребту, где подлесок был не такой густой. Ам не жаловалась, но видно было, как она устала.

- Грхх..

Кто-то еще решил воспользоваться дорогой через хребет. Впереди стоял на задних лапах огромный бурый медведь и объедал верхние ветви кустарника. Внешне очень похожий на «мишек» его времени, но какой-то коротконогий. Андрей спрятал замершую Ам за спину и дрожащими руками направил копье в сторону косолапого.

Ну давай, освободи дорогу, мы только пройдем дальше по своим делам.

Медведь не проявлял никакой агрессии, с любопытством посмотрел на странную пару, шумно выдохнул воздух, дожеввал листочки вместе с веткой, и ушел, ломая кусты.

- Фу,- у Андрея ослабли ноги, он отбросил копье и сел на землю, чтобы успокоиться. Какой великан, метра четыре в длину, не меньше. И почему здесь животные такие большие— и мамонты, и большероги, и этот мишка, а он еще лохматого носорога не видел, тоже должен обитать в эту эпоху.

К вечеру хребет стал шире и ниже. Появилась очередная натоптанная звериная тропа, идти по которой было, не в пример, легче. Скоро равнина, если он все просчитал верно, то засада плосколицых должна остаться позади, а через день он будет уже дома...

...раздался треск ломаемых веток и Андрей рухнул куда-то вниз.

Глава пятая: Рэту

Больно, какая сволочь вырыла эту яму, да еще и короткое копьё установила наконечником вверх? К счастью, острием он содрал только кусок мяса с груди, а не проткнул себя насквозь.

- Ох,- хотел встать на ноги и тут же сел обратно. Правая нога жутко болела . Хоть бы ушиб, а не растяжение или перелом. Иначе ему кранты.

- Эссу, Эссу,- захныкала над головой Ам.

Что же делать, скоро стемнеет. Выбраться из ямы не удавалось— нога распухла и он стоял в этой ловушке опираясь на древко копья. Может остаться в ней до утра, а там, глядишь, и полегчает.

- Ам, иди сюда, будем здесь ночевать. И молись своим кроманьонским духам, чтобы ночью в яму не свалился здоровенный кабан, а то и так тесно,- пошутил Андрей.

Ам ночью хныкала во сне, устроившись на обвалившихся в яму маскировавших ее ветках и траве, а он так и не сомкнул глаз. Только совсем уж под утро немного задремал— ему тут же приснилось, что в яму падает огромный вепрь с бивнями мамонта вместо клыков и гоняется за ними по яме. Досмотреть этот увлекательный сон не сумел, поскольку совсем рядом кто-то прокричал его имя.

- Эссу, Эссу, вставай...

«Вставай» прозвучало на грэльском. Когда это Ам успела выучить это слово на языке людей, удивился он спросонья. И голос у нее изменился.

Ам была не причем, над краем ямы торчала огненно рыжая голова молодого неандертальца. Они явно знакомы, раз уж правильно назвал его по имени, а рыжая шевелюра, такая же, как и у него, только оттенок поярче, указывала если уж не на близкие родственные узы обоих, так принадлежность к одной большой семье уж точно. Вот кто устроил здесь ловушку. А с утра пришел посмотреть, не провалился ли кто сюда ночью.

Он передал на руки рыжему сразу же сникшую Ам, а затем с его помощью выполз и сам. Девочка спряталась от незнакомца за его широкой спиной.

Интересно, а ведь он сам хотел соединиться с семьей Эссу, может время пришло. Но сначала надо познакомиться, старая схема вполне сходитя.

-Эссу,- сказал Андрей, показывая на себя.

- Ам,- кивнул в сторону темнокожей девочки.

- Рэту,- сразу понял рыжий.

Смышленный. Не тот ли это Рэту, который куда-то пропал во время охоты на криворога. А до этого остался без невесты из семьи большеносых. Наверное, он, больше некому. Рэту странно смотрел на него, будто не верил своим глазам. Несколько раз даже коснулся, будто невзначай. Что-то здесь не так, но это можно будет прояснить позднее, а теперь надо решать, как быть дальше. Андрей показал на себя и Ам, махнул рукой на запад и вопросительно посмотрел на рыжего. Он промолчал. Ну что же, значит не по пути. Опираясь на копьё, с темнокожей девочкой за ручку поковылял по тропе в сторону равнины.

- Эссу!

Рыжий выглядел так, словно вот-вот расплачется. А ведь ему всего лет семнадцать, подумал Андрей, хотя и вымахал даже повыше него самого. По меркам его времени подросток. И почему на той картине изображавшей эволюцию человека их вид рисовали невысокими носатыми громилами. Носы у него, Рэту и Граки не такие уж выдающиеся, а ростом они не ниже темнокожих. Правда, массивнее, так это да, хоть тут эволюционисты не соврали.

Рыжий, видимо, не сразу понял, что его тоже приглашали присоединиться к их маленькой компании.

- Пошли уже, Огонь,- вспомнил перевод имени Рэту Андрей.- Потом разберемся.

Каждый шаг давался Андрею все труднее и труднее. На правую ногу он уже совсем не мог ступить и использовал копьё вместо костыля. Точно растяжение или сломал мелкую кость в стопе. И как же все не вовремя. Если бы не Рэту он, наверное, не дошел до каньона. Рыжий пыхтел, но не сдавался. На шее у него устроилась Ам, в каждой руке он держал по копьё, за спину закинул лук, а

стрелы передал в руки девочке, а еще на плече висели его пожитки, сложенные в кожаный мешок. В него же Андрей запихал еще и свои запасы соли и «шило». Со стороны он был похож на рыжего ослика, которого жадный хозяин перегрузил вещами.

Когда их маленький отряд добрался до озера, и до дома оставалось совсем чуть-чуть, у Андрея начала кружиться голова. Он осмотрел рану на груди— края ее почернели, а вокруг проявилась краснота. Плохо, занес инфекцию. Рэту виновато прятал глаза.

– Все нормально, Огонек,– сказал он, ободряюще хлопнув его по плечу.

– Осталось совсем немного, и скоро мы будем дома.– И махнул в сторону ущелья.– Туда.

Шли очень долго, уже у самой стены ноги отказали окончательно. Андрея бил озноб. Ну, все— конец. Больниц здесь нет, как и медиков, скорая помощь сюда не доберется. Пора прощаться с каменным веком.

– Рэту, лезь через скалу, там Грака и дети. Помоги им и Ам пережить зиму,– успел сказать перед тем, как впал в беспамятство.

Он бросил свое копье в сторону умело загнавших его в западню темнокожих, и прыгнул со скалы в несущую далеко внизу свои воды горную реку. Удар об воду между валунами, темнота. Эссу лежит на каменистой отмели и не может двинуться, глаза его закрыты, но он все видит. На него села большая черная птица, клюнула в лицо и улетела— что-то ей не понравилось. Он долго так лежал— солнце закатилось и вернулось снова, когда его нашел Рэту. Эссу порадовался за него— он не погиб на охоте, как все думали, а сумел выжить. В будущем он станет прекрасным охотником, с его то умом и хитростью. Он говорит Рэту, что он рад его видеть, но тот почему-то не слышал. С печалью в глазах сидит рядом. Затем перекинул его через плечо и понес куда-то. Темнота.

Его несут в шкуре большерога на закат солнца три охотников из его семьи. Эссу слышит, как тяжело они дышат. Они пришли на каменистый холм, на вершине которого находится большой серый валун. Он знает это место, здесь много маленьких пещер, где лежат погибшие охотники его семьи. Его спускают вниз прямо в шкуре. Внизу их ждет Рэту, он уже все подготовил по обычаю. Вот и его

каменная яма, полная цветов, к стене прислонена плита. Он лежит во мраке ямы осыпанный пылью пахучих растений. Когда упадет первый снег, охотники придут снова и заберут его нижнюю челюсть, а затем накроют каменную яму плитой уже навсегда. Темнота. Прощайте.

- Эссу, Эссу— зовет женский голос.

Сильные руки открывают ему рот, засовывая в него палку, чтобы челюсти не сомкнулись. Сразу же в горло льется горькая жидкость. Как холодно. Андрей свернулся калачиком и опять впал в беспамятство.

Андрей открыл глаза— в небе ярко светила чуть надкусанная луна. Красиво. Повернул голову— родная поляна в каньоне с ручьем. Он дома. Где все, интересно. Спят, наверное. Приподнялся и увидел всех сразу— в ряд лежали Грака, Младшая, Ам, Старшая и Рэту. С улыбкой посмотрел на спящих— все здесь, и значит все хорошо. Так есть хочется. Хотел встать на цыпочки, чтобы прошмыгнуть на поляну, где вялилась рыба, и тут же упал на землю. Рэту и Грака одновременно вскочили на ноги. Андрей смущенно развел руками, не хотел никого будить, извините, и приставил палец к губам— не шумите, дети спят же. Но его никто не слушал. Крик Граки был слышен, наверное, на стоянке плосколицых темнокожих. Рэту же осторожно подхватил его за подмышки и уложил обратно.

- Не вставай, сейчас принесу поесть.

Поднялся галдеж проснувшихся детей. Все уселись вокруг Андрея, который к собственному удивлению, наелся от небольшого куска рыбы и незаметно снова провалился в сон.

Андрей проснулся от того, что почувствовал легкие прикосновения рук. Это была Грака, которая втирала ему в рану дурно пахнущую зеленовато-серую массу.

Это же плесень, которая смешана с кашицей из каких-то растений. Ничего себе, природный антибиотик. Не зря темнокожие так хотят научиться грэльскому искусству врачевания. Для каменного века это вообще колдовство— сбить сепсис.

- Пей!

Андрей послушно выпил из кожаного мешочка отвратительную на вкус жидкость. Спрашивать, что это такое не стал, чтобы не портить себе аппетит перед завтраком. Затем Грака осмотрела его ногу.

- Эссу не ходить охота, пока месяц снова не родится,- вынес после короткого размышления свой вердикт первобытный врач.

Это что, две недели сидеть в каньоне. Полнолуние ведь только несколько дней как прошло. Не слишком ли она перестраховывается. Андрей наступил на больную ногу и тут же присел обратно из-за стрельнувшей в стопе боли. И как теперь готовиться к зиме? Нужно ведь еду добывать, шкуры обрабатывать, одежду шить. Кстати, рыжего не видно.

- А где Рэту?

- Идти охота.

Понятно, надо до вечера придумать правдоподобную историю, почему он здесь, а не в своем каменном склепе ждет среди цветов, пока Рэту придет за его челюстью. Что за странный обычай.

- Эссу, Эссу,- обе Гаги и Ам со свистком умоляюще смотрели на него.- Не работает.

- Это называется свисток, девочки.

Еще бы он работал, когда кожух из коры отвалился.

- Принесите три веточки ивы толщиной в мой палец, вечером я сделаю вам свистки.

Грака неодобрительно посмотрела на него.

- Дети собирать дерево.

– Старшая, Младшая, Ам, принесете дрова, а потом уже я сделаю вам свистки, понятно.

Вздохнули и пошли за топливом для костра. У «ниты» не забалуешь. Они остались вдвоем на поляне. В глазах Граки читалось множество вопросов.

– Вечером я все расскажу, где был, что делал, и откуда взялась Ам. А сейчас принеси мне палку, чтобы я мог ходить. Не сидеть же мне все время на одном месте.

К его удивлению костыль, который принесла Грака, был довольно удобен. Кривоватый, конечно, но легкий и с удобной гладкой ручкой. И как раз по его росту. Есть у нее все-таки талант врача.

Потихоньку обошел все места, где сушилась рыба. На вид лосось выглядел вполне себе съедобным. Все-таки у него получилось сделать запасы на зиму. Если бы еще и соль была. Стоп! Соль у него как раз есть, тот мешочек из шатра «самого мудрого».

– Грака, где мои вещи?

Белобрысая никак не могла понять, почему Эссу так радуется грязновато-белому тяжелому песку из мешочка. Дал ей попробовать— сморщилась.

– Знаешь, где есть такое?

Грака утвердительно кивнула головой. Переняла этот жест у него. У Андрея сразу же созрели планы по добыче ценного ресурса, вот только заживет нога и тогда...

– Эссу, дрова.

Все-таки дети есть дети, принесли несколько сухих веток и теперь требовали свои свистки. «Нита» грозно нахмурила брови и собиралась что-то сказать, но Андрей остановил ее.

– Несите ветки ивы, а пока я буду делать свистки, вы найдете столько дров, чтобы хватило на весь день. Недовольный вид белобрысой ясно показал, что она думает о его педагогических методах, тем не менее, она промолчала.

Андрей мастерил свистки и думал, что делать дальше. Не о том, как прожить ближайшие дни, месяцы или даже зиму, а вообще— про всю оставшуюся в каменном веке жизнь. Основать в каньоне новое племя, постепенно увеличиваясь в числе, потихоньку вводя новые прогрессивные элементы в палеолитический быт и, если повезет, умереть от старости, чтобы затем его тело с почетом отнесли в ту же пещеру на холме с валуном, где он однажды проснулся. Но для этого ли его сознание закинуло в тело Эссу. Как-то мелко. Или устроить техническую революцию— усовершенствовать метательное оружие, отразить натиск темнокожих, изобрести силки, сети, лодки— как-то утопично. Технические новинки плохо прививаются на неподготовленную почву, а темнокожие уже распространились по всему свету от Африки до Австралии. Их не победить. Уйти на Пиренеи— так и там нет спасения, только временная передышка.

– Эссу, дай,— прервал его размышления голос Старшей.

Первый свисток уже готов, он, оказывается, замер с ним в руке, утонув в своих мыслях. Отдал ребенку игрушку и взялся стругать следующую для Младшей. Заодно решил пока не торопиться с решением глобальных проблем— когда придет время, он сам поймет куда идти. Или сложившиеся обстоятельства вынудят к определенному действию. От этой мысли ему стало как-то спокойнее. Вот и последний свисток для нетерпеливо переступающей с ноги на ногу Ам. Все, готово. На поляне стало неуютно от шума, и Грака прогнала детей подальше. Ну что же, теперь можно и поговорить. У него тоже накопилось много вопросов.

– Старшая и Младшая твои дети?

– Нет, это дети Эси, у нас с ним одна мать. Он остался лежать в тот день, когда мы с тобой снова встретились. Я успела их спрятать перед тем, как на нас напали. У меня тоже была девочка, но она умерла две зимы назад. Я не смогла ее вернуть, как вернула тебя после раны, она была очень слабая, зима была холодная и не было еды,— Грака шмыгнула носом.— А потом упал со скалы и мой мужчина— Ута.

– А куда вы шли?

– На закат. В горах совсем не стало криворогов, а на равнину опасно спускаться— темнокожих стало очень много. Не все захотели идти, но Эси не видел другого выхода. До нас ушли большеносые из под Круглой горы и никто из них не вернулся назад. Эси решил, что они нашли новые места, где много зверя.

Печальная история, почти не заселенная по меркам XXI века Европа стала тесной для двух видов людей. Но откуда она знает его самого?

– Эссу приходил в нашу семью за женщиной семь зим назад. Он выбрал себе Эдину, мать которой из семьи длинноногих, живущих около большой воды. Ты все забыл, Эссу, я знаю это. Рэту рассказал, что оставил тебя в цветах, но ты вернулся. Ты ушел не до конца.

Слова Граки огорошили Андрея. Умом он понимал, что у мужчины его возраста в первобытном обществе должны быть жена и дети. Но услышать имя конкретного человека, который является его законной половиной— все это не укладывалось в голове. А дети, есть ли у него дети?

– Лэнса— ашка. Имэла— гага.

–И где они?

– Я не знаю, это должен Рэту знать.

У Андрея заняло что-то внутри— у него есть сын и дочь. А жена, она еще вдовствует или успели уже отдать кому-то из семьи? Женщины отдельно тут не живут. Не те времена.

Рэту пришел уже к обеду со связкой крупной черно-серой птицы. Ого, он и забыл, что захватил лук в качестве трофея, а здесь его, оказывается, уже всю используют. Не зря этот парень оставил у него впечатление довольно умного. Ужин приготовили по рецепту Андрея с использованием глиняного кокона. Когда от трех здоровенных птиц осталась только гора костей, Андрей решил, что пора поговорить с Рэту.

- Где сейчас Эдина, Лэнса и Имела,- обратился он к рыжему, и продолжил.- Где наша большая семья?

- Они на старом месте, ты ведь знаешь, куда наша семья уходит летом.

Что-то не так в этом ответе. Проверяет, тот ли это Эссу, которого он знал. Ну да, станешь тут осторожничать, оставил человека мертвым в склепе, а он сваливается в твою ловушку на звериной тропе. Да еще с девочкой из семьи темнокожих. Нужно на корню пресечь всякие сомнения, что они имеют дело с Эссу, а не с кем-то похожим.

Он все рассказал Рэту и Граке. Как очнулся в пещере на холме, о том, что ничего не помнил, как постепенно начала возвращаться память через видения, но многое он еще не знает. Не знал даже, что был женат и у него двое детей. Отдельно описал приключения в плену темнокожих и роль Ам в своем освобождении. Факт, что он не совсем Эссу, Андрей предпочел умолчать.

Рэту и Грака молчали. Затем белобрысая заявила, что Эссу не до конца умер, а глупый Рэту и охотники даже не заметили этого. У них в семье тоже был такой случай— охотник сорвался с обрыва, когда караулил в горах криворога, и ударился головой об камень. Не дышал, но и не портился. Потом только через новое рождение луны очнулся. Правда, это ему не очень помогло, потому что он после того случая начал бегать по стоянке, громко кричать, приставать к чужим женщинам, обижать детей и одним прекрасным утром его нашли за стоянкой удушенным кожаным ремнем.

- Ты говорить странные слова,- вопрошающе посмотрел на него Рэту.- Они удобные, Грака и гаги ими пользуются, и я тоже начал, но кто тебя им научил?

Вот ведь неугомонный.

- Я не знаю, после того, как я очнулся, они сами появляются у меня в голове,- пожал плечами Андрей.- Может, это болезнь такая.

- Тот охотник из нашей семьи тоже что-то странное говорил, никто не мог его понять, наверное, рано его удавили, мог бы и излечиться,- подтвердила последствия недуга умерших не до конца, а затем очнувшихся людей Грака.

Подыгрывает она ему что ли. Как бы то ни было за Эдиной и детьми решили отправиться после выздоровления Андрея, раньше все равно не получится.

Они сидели у костра, наслаждаясь покоем. Только дети крутились за спиной, отчаянно о чем-то споря.

- Эссу, почему месяц уменьшается? Ам говорит, что от него большой злой Бррр откусывает по кусочку каждый день, когда его не видно, так говорил «самый мудрый» из их семьи— на него смотрели три пары детских глаз.

Кажется, у кроманьонцев началось зарождение религии.

- Нет дети, Брр(кстати, кто это?) тут не при чем. «Самый мудрый» темнокожих это выдумал, а на самом деле это солнце так освещает луну, что с земли видна только ее часть. Остальное скрыто в тени самой луны.

- ???!!!

- Старшая, возьми два круглых камня и отойди от костра. Костер это солнце, первый камень— земля, а второй— луна. Видишь, как падает тень? Когда «камень—земля» и «камень— луна» на одной линии, то с «камня-земли» видно, как солнце освещает половину поверхность «камня- луны». А если сдвинем?

- Брр съел кусок,- Ам была потрясена. И не только она.

- Земля тоже круглый камень? Как и Луна?

Ничего себе заключение, Андрей с удивлением посмотрел на Старшую, додуматься до такого, это какой раскрепощенный ум надо иметь. Грака и Рэту, с интересом слушавшие этот диалог, растерянно хлопали глазами. Итак, две недели он вынужденно проведет в каньоне, и с завтрашнего дня он открывает начальную школу. Пора принести свет знаний в этот век.

- Земля это то, по чему мы ходим. На чем растет трава, деревья, бегают добыча, текут реки, плещется большая вода, ходят темнокожие и люди— весь наш мир это все и есть Земля. И да, она круглая.

– ???!!!.

– На круглом ходить неудобно, можно упасть,– сморщила лобик Старшая.

– Она очень большая, мы не упадем.

Глава шестая: Пещера Гррх

Кто-то монотонно бил камнем об камень. Сухой треск мешал спать. Андрей открыл глаза и удивленно заметил, что солнце всю заливает светом их небольшую стоянку. Вот ведь, соня, даже неудобно стало перед взрослыми членами семьи, встретившими его пробуждение улыбками. Грака тут же заставила выпить свой горький напиток. Сегодня он чувствовал себя намного лучше, нога ныла терпимо, прошла слабость, и зверски хотелось есть. Все-таки сон – лучший лекарь, не считая Граки, конечно. Дети куда-то ушли, а Рэту внимательно рассматривал собранную в кривую пирамиду большую кучу серых камней; время от времени он тщательно отбирал по одному ему ведомым признакам два булыжника и с силой бил их друг об друга. Отколовшиеся пластины он складывал в отдельные стопки или выбрасывал.

Ого, да у нас, оказывается, сегодня производственный день, вот он каменный век во всей его красе, и что мы мастерим, интересно, запрыгал в его сторону на одной ноге Андрей, жуя на ходу ножку птицы, которую ему оставили на завтрак.

Рыжий никуда не торопился. Один из камней ему особенно чем-то сильно приглянулся. По нему он сильно не бил, а подолгу примериваясь, аккуратно скалывал небольшие пластины по краям, пока в середине булыжника не образовался продолговатый округлый горбик. После чего осмотрел заготовку со всех сторон. Наконец, одним сильным ударом в боковую часть горбика сколот его с булыжника. Рэту стер пот со лба и довольно улыбнулся— получилось. Только что это? Андрей взял в руку отколотую часть булыжника. На нож не очень пойдет, тонковат и обе кромки острые. Скорее всего, это острие для копья. Отшлифовать и прикрепить к древку ремнями, и ни одному большерогу, а тем более темнокожему, не поздоровится, если такое в тело воткнуть.

До полудня Рэту сотворил еще одно острие для копья, а после взялся за небольшие наконечники, по всей видимости, предназначенные для стрел. Любопытно, как он соединит их с тонкой палочкой, ремни здесь не очень

подходят. Впрочем, на этот раз увидеть завершение процесса ему не удалось, рыжий решил, что на сегодня хватит и отложил заготовки в сторону и улегся на траву отдыхать. Интересно, а сам он смог бы так себе оружие сделать? Эссу точно смог бы, а вот Андрей так и остался бы охотиться с дубинкой, если бы трофейное копье и дротики не подвернулись. Может руки помнят, как это делается. Говорят, что существует какая-то мышечная память— если когда-то что-то делал хорошо, то уже никогда не забудешь. Андрей взял в руки два булыжника, осмотрел их на предмет наличия трещин и стукнул друг об друга. Увы, мышечная память себя никак не проявила. Кроме веса камня в руках он ничего не чувствовал. И даже мысли не было никакой, что из них можно сделать.

На поляне стало тихо, каждый из троих взрослых погрузился в свои мысли.

– Грака, о чем ты думаешь?

Молодая женщина хмыкнула, покачала головой и после долгой паузы сказала: «Завтра Рэту, Грака охота идти надо, Эссу будет здесь». Понятно, женщина, как и во все времена, думает о достатке в доме и припасах.

– Рэту, принесите завтра «белой эссы», она нам очень нужна.

Рыжий кивнул головой и не стал уточнять, зачем им вдруг понадобилась соль, затем приподнялся и начал прислушиваться. Андрей тоже насторожился. Кто-то прямо по лесу топал к поляне— наверное, дети возвращаются с прогулки. Впереди шла Старшая, которая что-то тащила в большом свертке из квадратного куска кожи, отрезанном от шкуры большерога, за ней Младшая с узелком поменьше, а завершала вереницу Ам, державшая в руках два рулона свернутой коры какого-то дерева. Пыхтящие гаги направились к Рэту и положили перед ним целую кучу таких же рулонов, на которую Ам гордо поставила свои два. Судя по всему, это березовая кора. Только зачем она понадобилась довольно улыбающемуся молодому неандертальцу?

Оказывается, производственный день Рэту еще не завершился. Он вырыл не очень глубокую яму, обложил ее дно и боковые стороны корой так, что получилась корзиночка, затем перекрыл яму крест-накрест ивовыми ветками, навалил на получившуюся решетку оставшуюся часть коры прямо как были в рулонах и накрыл их самыми широкими листами березовой коры. Андрей с интересом наблюдал за его манипуляциями. В завершение Рэту накидал на

получившуюся конструкцию глины так, что получился холмик похожий на небольшой муравейник, и прямо над ним разжег костер. Судя по уверенным движениям, все это он проделывал уже неоднократно.

Рыжий поддерживал костер несколько часов, когда решил, что хватит. Позже, когда угли окончательно прогорели, он разобрал холмик. Корзинка на дне ямы больше чем наполовину заполнилась густой черной жидкостью. Андрей уже догадался, что будет дальше. Рэту создал не что иное, как клей, и сейчас будет присоединять наконечники к стрелам и копьям. Молодой охотник возился почти до вечера, расщеплял концы деревянных заготовок, где закреплял наконечники и заливал их клеем. Теперь подождать, пока застынет, и метательное оружие будет готово. Жалко только, что наконечники из камня недолговечные, заменить бы их на кость или, если уж мечтать, на какой-нибудь металл, и не было бы необходимости менять острия после каждой охоты. Этот угол поляны теперь напоминал арсенал, на траве лежали три копья, полсотни стрел и с два десятка дротиков. Можно ли пользоваться оружием, которое сделал другой? Или каждый мастерит себе сам?

Наверное, все-таки можно. Ну, или можно в случае крайней необходимости. Рэту взял с собой на охоту копье, которое Андрей унес со стоянки темнокожих. Его вчерашние поделки, видимо, еще не совсем готовы. Грака тоже ушла с ним. Ну, удачной охоты, а он сегодня за няню. От крика детей и трелей свистков у Андрея скоро разболелась голова, и он пошел прогуляться, опираясь на свой костыль. Где, кстати, куски шкуры большерога, которые вчера дети использовали в качестве мешков. Не пора ли сделать себе обувь, о чем он думал с самого первого дня, как попал в это время. Ну да, валяются здесь же, где им быть. Нашел и самую шкуру. К счастью, она не протухла. Внутренняя часть была тщательно выскоблена от кусочков мяса и жира— к еде здесь относятся с пиететом. Еще бы знать, как ее обработать. Здравый смысл подсказывал, что если просто обернуть ногу сырой кожей, закрепив ее ремнями, то скоро она затвердеет и ссохнет. Чем в таком ходить, лучше уж босиком. Где-то в голове крутилось словосочетание «дублирование кожи», явно каким-то образом связанное с дубом, но подробностей процесса бывший менеджер по продажам, увы, не знал. Ничего не решив, поволок куски шкуры к ручью, ниже своей «ванны», положил плашмя на дно и закрепил камнями, чтобы не унесло течением. В воде хоть не ссохнет, может Грака или Рэту знают, как из шкуры мягкую кожу получить.

От хозяйственных дел его отвлекли крики детей. Что там еще такое? Ну вот, этого еще не хватало. На поляне Младшая и Ам с визгом катались по траве,

вцепившись друг дружке в волосы. Старшая в драку не вмешивалась. Хорош нянька, нечего сказать. Пару часов Граки нет, и тут же дети из под контроля вышли. Опрос драчунов показал, что причиной конфликта стало то, что Ам на какую-то обиду обозвала Младшую грэлем.

- Ам, Младшая и Старшая теперь твои сестры. Нельзя называть их грэлями, это плохое слово нехороших людей. Теперь ты тоже грэль, хотя и не похожа на других людей нашей семьи.

После внушения отправил всех троих в качестве наказания собирать дрова. Наверное, отшлепать провинившихся было бы эффективнее, но выросшему в XXI веке Андрею сама мысль о таких методах воспитания была противна. Интересно, как выглядят дети Эссу и его женщины Эдины. После того, как Грака сообщила об их существовании, он пытался выудить хоть какие-то образы из своей памяти. Но ничего не получилось. И ощущения, что он глава семейства так и не возникло. Даже имена детей вспоминал с усилием. Ах да, Лэнса и Имела.

- Лэнса, Имела, Эдина,- произнес он вслух, перекатывая звуки на языке. - А что, красивые имена.

Тем временем вернувшиеся с охапками хвороста дети опять начали бегать по поляне. Надо занять их чем-то, не отправлять же снова в лес. Да и самому надо пройтись, сколько можно сидеть на одном месте. Хорошо бы пещеру исследовать, которую он открыл незадолго до того, когда отправился на неудачную охоту на большерога.

- Старшая, Младшая, Ам, мы идем в поход!

Не поняли. Просто ходить без определенной цели в этом веке не принято. Или охотишься, или собираешь дрова. Остальное время наслаждаешься бездельем.

- Идем осматривать убежище на зиму!

Это другое дело. Взяли по его указке длинные сухие палки, которые Андрей планировал использовать в качестве факелов, и отправились к пещере. Хотя идти было не так уж и далеко, добирались до пещеры довольно долго, быстро с костылем не походишь, да и дети не самые шустрые попутчики. Сделали промежуточный привал на открытом им в прошлый раз лугу. Трава на нем

отличалась от степной, если на равнине произрастали в основном высокие злаки, то здесь наблюдалось луговое разнотравье. Взгляд Андрея зацепился за стебли одного из растений. Что-то оно ему напоминало из бабушкиного огорода. Выковырял целиком палочкой из земли и теперь пытался определить, что это такое. С виду было похоже на луковицу с крошечным клубнем и тоненьким стеблем, но листья напоминали скорее плоские чесночные. Показал детям и попросил найти такие же, а затем запихал целиком в рот. Вкусно. Но, даже съев его, не смог определить к чему он ближе, к луку или чесноку. Может это прародитель и того и другого? За несколько минут собрали несколько пучков вкусного растения, густо растущего в тени деревьев у самого ручья. Андрей отметил про себя, что скучал по растительной пище. Судя по тому, что дети не показали удивления его вкусовым предпочтениями, это лакомство им было знакомо. Пучки подвесили на кусты, чтобы забрать на обратном пути. А теперь пора и в пещеру.

Чтобы поджечь палки Андрею пришлось развести у входа в пещеру небольшой костер. Дождался, когда они загорятся, строго-настрого запретил детям идти за собой и ступил в темноту. Горели его «факелы» плохо, тем не менее, что-то в отблесках пламени видно было. Почти сразу от узкого входа пещера резко расширялась, образуя просторный зал, на полу лежал толстый слой пыли, и почти не было камней. Хорошо, значит, свод вполне себе устойчив и ничего сверху неожиданно на голову не упадет. Дошел до противоположной стены и начал обходить зал по периметру. Палки почти потухли, но выход был виден довольно четко, поэтому Андрей не волновался на счет того, что сможет без проблем выбраться. Так, а это что у нас, арка и переход в еще один зал.

Надо бы и его осмотреть, только света маловато. Может перенести костер прямо в центр зала, тогда и видно будет лучше. Вчетвером они набрали охапки сухих веток, головешек для розжига и прямо в центре зала развели большой костер. Когда густой дым заполнил все пространство пещеры Андрей подумал о необходимости трубы или другого способа вытяжки. И как эти люди не вымерли раньше от отравления продуктами горенья в своих пещерах, где жгли костры в течение тысяч лет, удивился он, когда их кашляющая компания вылезла на свежий воздух. Или надо было ближе к выходу огонь развести, чтобы сразу наружу дым шел. Уходить, не обследовав второй зал пещеры, было очень обидно, поэтому он все-таки решился зайти внутрь еще раз. Дыша через раз, настолько быстро, насколько позволял его костыль перешел арку и вступил во второй зал. Как не странно, воздух здесь приятнее. Так, значит, он сюда откуда-то проникает и есть выход наружу.

Второй зал был заметно меньше первого и в ходе его обхода Андрей обнаружил еще одну арку. Еще зал? Из дыры вполне себе ощутимо тянуло воздухом. Его чадящие «факелы» от притока кислорода загорелись гораздо веселее, поэтому и решился зайти еще и туда. Эта «комната» пещеры оказалась совсем маленькой, Андрей был внутренне готов к тому, что увидит вместо каменного свода выход из пещеры, но его ожидания не оправдались. Выход, несомненно, был, но при тусклом свете горящих палок он его не заметил. Зато увидел на полу огромный скелет медведя. Судя по чистым белым костям умер мишка давным-давно, может даже еще тогда, когда каньон от остальной части долины не отделила рухнувшая скала. Сколько прошло времени с того события, сто лет, пятьсот или тысяча, кто его знает. Андрей зачем-то забрал с собой череп зверя, может и пригодится для какой-нибудь надобности.

Вместо того, чтобы ждать его у входа дети разбрелись по солнечному склону, что-то увлеченно выискивая в густой траве. Не выпуская череп из руки, поскакал к ним. Земляника. Целое море красной ягоды. Странно, по его расчетам сейчас конец июля или начало августа. Поздновато для земляники. Или он ошибся в своих предположениях, или поспевает здесь эта ягода позже. Когда все наелись, попросил детей собрать немного в кульки из лопуха для Рэту и Граки. Сам же, недолго думая, заполнил земляникой череп медведя. Вот и пригодился. Забрали по пути пучки то ли лука, то ли чеснока и отправились домой.

Андрей был в приподнятом настроении после осмотра пещеры. Как только похолодает, вполне можно будет перебраться в нее на зимовку. Места для их небольшой семьи там вполне достаточно, огонь можно будет поддерживать во втором зале, а вход закрыть шкурой большерога, если не найдется для него другого применения. И переживут они страшную ледниковую зиму как и положено людям каменного века— в пещере. От приятных мыслей отвлекли Младшая и Ам. Им было скучно идти гуськом и они начали бегать кругами вокруг него и Старшей.

– Если не перестанете, то злой Брр, вот такой же как этот, съест вас,– припугнул он расшалившихся детей, показывая на череп медведя.

– Эссу, это же у тебя голова не Брр, а Грхх. Грхх совсем не злые и едят только траву, а не детей,– недоуменно приподняла брови Старшая.

– Брр совсем другие, страшные, быстрые, их все боятся...

Кого это они так боятся? Саблезубый тигр или пещерный лев. Других кандидатов на быстрых Брр в эту эпоху нет.

..и у них воот такие зубы,- показала руками Старшая в завершении.

Все-таки тигр. Саблезубых львов, кажется, не было.

Охота была удачной. На поляне обнаружили перемазанные с ног до головы кровью Рэту и Грака, которые разделывали какого-то крупного зверя. Целиком его они принести не смогли— из туши животного дотащили только задние ноги. Судя по всему бык или бизон. У Андрея сердце заныло, как только подумал, сколько мяса осталось лежать в траве для пира степных падальщиков. Взглянул за дело сам и прогнал парочку назад за оставшейся частью.

- И шкуру не забудьте,- напутствовал их вдогонку.

Нарезал мясо пластинам толщиной в два пальца, пока на траве не остались только кости. У него же есть соль «самого мудрого», самое время осуществить свою мечту и завялить мясо на зиму. Но как его сделать? Растереть солью и оставить сушиться? Такой способ показался Андрею ненадежным. Еще начнет портиться изнутри. Что же делать. Надо бы подержать мясо в соленом растворе несколько часов, чтобы пропиталось целиком, а уж потом подвешивать сушиться. Может сделать небольшую запруду, так вода в землю уйдет, а соли у него и так мало. Андрей осмотрелся вокруг, вдруг найдется что-то подходящее. У ручья обнаружился вросший в землю большой камень с углублением в середине в виде неровной чаши. Жалко только, что импровизированную ванную сбоку пересекала трещина шириной в два пальца. Была бы у него скотч...

- Эссу, почему мы не готовим еду?- прервала своим вопросом ход его мыслей Старшая, которой надоело наблюдать за его метаниями по поляне.

- Успеет. Надо замочить это мясо вместе с «белой эссой» в воде, тогда у нас будет еда зимой. А вода в камне из-за трещины не задерживается. Теперь Эссу думает.

- Надо замазать трещину глиной и прикрыть изнутри большими листьями,- пожала плечами Старшая.

Все-таки она очень сообразительная.

– Я так и хотел сделать, неси листья,– пробурчал под нос Андрей, мастера «скотч» каменного века. Заодно и использованную воду можно будет легко слить, надо только расковырять трещину заново.

В отсутствие ведер, кувшинов и прочей посуды, когда в наличии только ладони, заполнить чашу оказалось той еще историей, но все вместе они справились. Пока сырье для вяленья намокало в каменной чаше, Андрей нарубил кусками остатки ляжки бычка, сложил получившуюся большую кучу на лопухи, посолил, добавил два пучка то ли лука, то ли чеснока, сильно помял руками и накрыл все тем же лопухом. Мясо жесткое, надо промариновать подольше и тогда состоится знакомство местных с кулинарией.

– Эссу, есть,– три пары глаз недоуменно смотрели на него.

В самом деле, что это он. Голодные дети после «похода» имеются, мясо есть, а его зачем-то накрыли листочками и чего-то ждут, вместо того чтобы поджарить. Заставил их развести костер, а сам нарубил палочек для шампуров. Поджарил на углях по две порции для каждой девочки, сам ограничился одной. Очень уж хотелось настоящего настоявшегося шашлыка. Но и так вкусно, а был бы еще перец...Но это уже из области фантастики. Если и есть он где-то, то точно не здесь, а произрастает в диком виде в джунглях Азии. Но ему туда не надо, там темнокожие живут уже давным- давно. А если бы еще и хлебушек... Стоп. Злаки здесь произрастают, сам видел в степи. Надо расспросить Граку, может, они давно зерна собирают и используют, а он здесь пытается изобрести велосипед.

–Ммм...– детям его простое блюдо явно понравилось. Еще бы, не полусырое мясо, слегка опаленное в пламени, как они привыкли, а настоящий прожаренный шашлык. И переварится быстрее, и паразитов не будет.

– Эссу, еще!

Ну, уж нет, вторая порция, когда начнут есть взрослые. Надо ввести распорядок дня. А то хаос какой-то— есть еда, все наедаются от пуза и валяются на травке, нет еды— идут на охоту, а если ничего не добыли, то сидят голодными. Но для размеренной жизни нужны припасы, места для их хранения, горшки какие-нибудь. Андрей загрустил. Решение каждой отдельной задачи тянуло за собой

целый ворох сопутствующих проблем. Конечно, есть рыба на зиму, и какое-то количество мяса дожидается в чаше, когда его начнут вялить, но насколько их хватит, если еще и Эдина и дети прибавятся к их разношерстной компании. Это при условии, что темнокожие какую-нибудь пакость не устроят.

Как-то исподволь в последний месяц, когда он был в плену у соплеменников Ам, а затем его выхаживала Грака, внутри него созрела стратегическая цель— чтобы эти люди и их потомки не исчезли навсегда с лица этой планеты как это произошло в его истории. Они ему нравились. Не было в них злобы, желания уничтожить всех, кто хоть чем-то на них не похож, что сопровождало цивилизацию сапиенсов всю историю. Наверное, поэтому они и проиграли борьбу внутри рода Ното темнокожим, не хватило бездумной свирепости и хитрости. Они довольно талантливы, вон как рыжий и Старшая все на лету схватывают. Могло ли так быть, что на его коротком пути в этом мире ему попадались одни гении? По теории вероятности быть такого не может. Значит их сообразительность— это признак вида этих людей. Мозгов что ли в их головах больше.

Они не знают, что их вид обречен. Еще несколько поколений и на Земле не останется для них места. Где-то на Пиренеях будут доживать свой век ушедшие туда большеносые, пока не вымрут и память о них перейдет в область легенд победителей. Нет, на Закат идти нельзя, это западня. А если на какой-нибудь большой остров, который поздно заселили люди. Где такой остров? Канары? Мадагаскар? Утопия. Ни кораблей, ни желающих заниматься их постройкой. Если предложить им сейчас строить корабли, то могут решить, что Эссу, к сожалению все-таки не до конца выздоровел и удавят как того бедолагу, про которого рассказывала Грака. Да и жарко там, смогут ли неандертальцы перенести резкий климатический переход и перемену образа жизни. Что же делать. Остаться здесь и держать оборону. Даже если это удастся сейчас, что будет, когда он умрет или пару сотен лет спустя? Решения пока нет, но рано или поздно он его найдет. Обязательно.

До Андрея донесся треск ломаемых кустов. Это Рэту и Грака тащили по земле черную шкуру, в которую сложили разделанную тушу. Дошли до середины поляны и рухнули на траву, жадно хватая ртом воздух. И как только перенесли через скалу такую тяжесть. А могли ведь оставить часть на месте, не мучая себя, но раз Эссу сказал нести все, то они и принесли. Нет, так не пойдет, пора все-таки сделать лестницу.

Его блюдо охотники оценили. Андрею даже показалось что не столько вкус, сколько удобство для жевания небольших кусочков мяса на палочке с углей, а не больших кусков с костра. Пока все наслаждались отдыхом, Андрей разделал принесенное мясо и затолкал в соляной раствор. Все равно запасы соли «самого мудрого» закончились, а когда Рэту найдет возможность принести еще это большой вопрос. Шкуру положил в ручей рядом с такой же большерога. Вроде все, неотложные хозяйственные дела сделаны. Можно присоединиться к отдыхающим.

Глава седьмая: Круглая гора

– Эссу, смотри, какая я сильная— это Младшая дурачится, притащила какой-то белый камень и скорчив рожицу, словно прилагает максимум усилий, ломает его пополам.

Хм, мягкий известняк какой-то. И хорошо мажется, почти школьный мел.

– Дай-ка, покажу тебе кое-что.

– Ротик, носик, огуречик, получился человечек,— напевал он, выводя на плоскости торчащего из земли серого камня схематическую фигуру девочки. Снизу надписал— Младшая. Рядом такая же, но побольше— Старшая. Еще одна— Ам. Теперь себя, Рэту и Граку. Эссу получился самым большим и стоял отдельно, Рэту он добавил рыжих волос с помощью царапин красноватого камня, Граку поместил рядом с ним, словно они держатся за руки и добавил ей для красоты волнистую прическу. Снизу большими буквами написал— СЕМЬЯ.

«Семья» собравшись в полном составе у камня, ошарашено смотрела на его художества.

– Что это, Эссу,— выдавил, наконец, из себя Рыжий.

– Это все мы вместе, наша семья.

– А это что?

– Это твое «имя» написанное буквами. А что такое буквы, я объясню вам в следующий раз. Это очень удобно, ты можешь сказать буквами слово и его не унесет ветром, другой человек услышит сказанное тобой спустя много-много времени.

– Это я,– показала на свое изображение Старшая, заломив свою светлую бровь.– Это Младшая, это Ам, а это Рэту и Грака, только у нее другие волосы.

Она заслужила стать его первой ученицей, жалко будет, если такой талант не разовьется. У нее прекрасно выражено абстрактное мышление. Интересно, а если карту нарисовать, смогут понять. Это же его мечта, иметь карту местности. Стоп, зачем ее рисовать, ее можно сделать из речного песка и ила. Так им легче будет понять. Он же давно мог бы ее сделать, только не додумался до такой простой идеи, дубина.

– Это мы, Рэту, вот где эти шесть палочек. Это наша поляна. Сколько идти до Круглой горы, где раньше жили большеносые.

– Три раза должно встать солнце.

– Куда надо идти, навстречу солнцу?

– Ты не помнишь?!

– Плосколицые темнокожие из племени Ам жили в двух переходах отсюда, если идти прямо на восход солнца. Переход это один восход и заход солнца. Вот здесь!

Для большей наглядности Андрей отметил стоянку темнокожих фигуркой из глины, которая изображала «самого мудрого» в шапке и даже приметную скалу слепил, под которой она была расположена. Рэту заморожено смотрел на «карту». Затем неуверенно ткнул пальцем в юго-восточном направлении от шести палочек.

– Здесь Круглая гора...

- Что-то даже ближе получается, чем до плосколицых темнокожих, а ты говорил, что идти три перехода.

- Надо обойти горы, где разбился Эрук. Быстрее идти не получится,- пожал плечами рыжий.

Придется теперь и горы налепить для ясности.

- А где стоянка нашей семьи?

- Пять переходов,- Рэту вздохнул и показал точку севернее Круглой горы.- Рядом Белая гора и за ней большое ущелье. Там мы все и жили.

Это что же получается, когда он пойдет за Эдиной и детьми, то придется потратить десять дней как минимум, подумал Андрей. Среднее расстояния между стоянками разных семей получалось где-то сорок-пятьдесят километров. Что, в общем-то понятно— если будут жить слишком близко друг к другу, то перестанет хватать дичи. Вряд ли кто-то проводил границы территорий, которые принадлежат определенной семье, видимо они сами собой определились естественным путем, когда каждой семье должно хватить еды и тащить ее до стоянки не так далеко. При стабильном числе населения так могло продолжаться очень долго, но вот пришли кроманьонцы и баланс нарушился...

- Ух ты, как красиво,- прервали его размышления незаметно подошедшие Младшая и Ам, уставившись на фигурку «самого мудрого». —Эссу, как ты ее сделал, мы тоже хотим.

- Это грязь, которая подсохла. Эссу слепил «мудрого» из мокрой земли и оставил подсушиться,- как всегда трезвое мнение Старшей. Эта девочка имела мышление взрослого человека.

- Эссу, научи,- заканючили младшие.

- Старшая научит, а если у нее не получится, то подойдете снова,- отрезал Андрей.- А нам с Рэту нужно сейчас подвесить мясо для сушки.

Хорошо иметь ловких помощников, Андрей показал на подсушенную рыбу, а затем на мясо, а дальше Рэту и Грака сами разобрались что делать. А после куда-то исчезли, так и не появившись до того момента, пока все наконец уснули. А ведь он собирался им сказать, чтобы с утра снова шли на охоту. Ну ладно, дело молодое.

Когда проснулся у головы лежал кожаный мешок с горьким напитком. Ни Граки, ни Рэту видно не было— сами догадались, что надо пойти на охоту. Нога опять заныла, видно вчера он излишне нагрузил ее. Что же, надо взять на сегодня больничный. И ввести в их жизнь наконец-то распорядок дня, как он и собирался. Сначала умывание— загнал в «дагар» визжащих детей, даже стойкая Старшая пискнула. Затем завтрак остатками ужина. А после этого Андрей торжественно объявил, что с этого дня начинается новая эра каменного века с ежедневными занятиями в школе по графику занятие до полудня и занятие после. Даже отдельный угол на поляне под это дело выделил рядом с раскидистым старым грабом. Перегружать младших членов семьи он не собирался— утром основы письма, а после обеда— естествознание. Тем более в его время по возрасту в школу пошли бы только Старшая и Младшая.

Учебного плана у него по понятным причинам не было, поэтому понадеялся на смутные воспоминания своего пребывания в младших классах российской школы.

- Это буква «А», повторите.

- Аааааааааааа.

- Это «Б».

- Бпбпбп.

- Все, на сегодня хватит. Идите играть.

За целый час выучили полторы буквы. Первый блин вышел комом. Надо вырезать из сухого дерева все буквы алфавита, так легче детям будет их запомнить во время игры. А затем научить их на чем-нибудь писать ими. Самый древний и очевидный способ— найти вязкую глину и на ней палочкой выводить слова. Но это планы на перспективу. Когда долгими зимними вечерами они будут греться

у костра в своей пещере, и у них будет больше времени на учебу. Но чтобы они могли зимой с пользой проводить время нужно уже сейчас позаботиться об этом.

Андрей с тоской смотрел на шкуры, которые он выудил с реки. Хоть убей, не знал он как их обрабатывать. Сделать мокасины мехом вовнутрь, так они так сохнут и загрубеют. А черт с ним.

- Старшая, идем сюда. Будем тебе «сапожки» мастерить.

Решил взять шкуру большерога, как более мягкую. Сначала нарезал ремней, затем отрезал кусок шкуры с задней ноги. Где его костяное шило, которое он позаимствовал у плосколицых? Лежит все в том же мешке.

Первоначальный замысел у Андрея был таков: сшить «сапоги» Старшей прямо на ней, шкура затем должна будет сохнуть и приобрести форму ее ноги. И готовы теплые сапоги на зиму. Но тут его осенило, зачем мучить ребенка, заставляя ходить в такую жару в ссыхающейся шкуре, если можно использовать деревянную болванку по ее ноге, и сделать ее чуть больше, на вырост. Подходящие по форме кривые суки похожие на клюшку для хоккея нашлись быстро, а вот выстругать их ножом помучался. В итоге отказался от намерения сделать две разные, как на левую, так и на правую ноги. Пусть будут одинаковые, и так сойдет. У него получилось. Конечно, выглядели «сапожки» страшновато. Шкура на стопе и голени грубо закреплялась ремнями, но лучше такие, чем босиком по снегу. Если хочет, пусть сама украшает чем сможет— да хоть перьями.

- Старшая, ты будешь ходить в «сапожках» когда выпадет снег.

- А Младшей и Ам когда сделаешь?

- Завтра сделаем и им, надо только найти подходящее дерево.

Рэту с Гракой пришли неожиданно быстро. Оказывается, ни на какую охоту они не пошли, а притащили огромный кусок соли. И что теперь есть, спрашивается. Попытку использовать на обед сушившееся мясо он пресек сразу.

– Рэту, возьмите корзины и идите хоть рыбы наловите. И лук возьми, может птица попадетса.

Рыбалка не задалась, добыткии принесли только пару костистых рыб с черной спинкой, похожих на леща, зато они смогли подстрелить уже знакомую ему серебристую птицу. Без крупной добычи им тяжело придется, а ведь их всего шесть человек. Будь семья побольше— легли бы сегодня спать голодными. А если на день или два охотничья удача отвернется от них? Но про это и думать не хочется. Как же ему везло с самого начала, только в первую ночь после своего пробуждения в пещере ничего не ел, а судя по беззаботности Рэту и Граки, скудный ужин здесь скорее норма, чем исключение.

Пока Грака готовила еду, вместе с рыжим решили заняться уточнением «карты». Впрочем, кто-то еще до них успел ее улучшить, вместо шести палочек на том месте, которое обозначало их стоянку, красовались шесть фигурок. Андрей пораился точности воспроизведения скульптурок. Черты лица и пропорции фигур получились вполне себе похожими на оригиналы, а глиняный «Эссу», вдобавок ко всему, еще и опирался на палочку, изображавшую его костыль. Все трое «зодчих» с вымазанными глиной руками и лицами гордо стояли в ожидании похвалы.

– Молодец, Старшая, прекрасно получилось.

– Я только тебя слепила, Эссу, Ам— сама себя, а остальных- Младшая.

Андрей пригляделся повнимательней— пожалуй фигурки Младшей выглядели поживее, зато у Ам— самое детализованное, а Эссу вышел каким-то важным стилизованным болванчиком с палочкой. Надо бы похвалить девочку.

– Младшая, Эссу покажет тебе, что еще можно сделать из глины. Это очень интересно. Можно вылепить Брр, Гррх или большерога.

...а потом надо бы ей показать, как делают горшки. Гончарный круг он, конечно, не осилит, но пусть лепит из колбасок, как это делают дети в детском саду. Супа в таком горшке не сваришь, но можно хранить что-то сыпучее. Зерно или сушеные ягоды.

Чем дальше от места расположения стоянки рыжих, тем все менее точными были сведения Рэту. По его словам за Белой горой проходило глубокое ущелье, по которому текла горная река. За ним сразу начиналось обширное нагорье, перерезанное извилистыми долинами. Судя по всему, это Центральный массив. Он сам его недавно, в XXI веке, пересекал на машине, перед тем как решил заночевать в маленьком городке, чтобы уже затем очнуться в пещере. Горы не очень высокие, зато площадь занимают довольно большую. О семьях, которые обитают за ущельем, Рэту ничего конкретного не сказал. Наверное, река препятствовала тесным контактам. А вот по направлению на север сведений у него было больше. По его словам туда на десять переходов простирается травянистая равнина, по которой несет свои воды их река, в итоге впадающая в совсем уж огромную реку без берегов. Сам Рэту там не был, но говорят, что пить воду этой реки нельзя— горькая. На равнине у безбрежной реки живут несколько семей длинноногих, которые любят рыбу, вот прямо как Эссу. В сторону восхода солнца людей вроде нет, только темнокожие. За уничтоженной семьей Ам в трех переходах располагается ближайшая стоянка их победителей. Это большое племя, которое состоит из девяти семей. Охотники из всех этих семей раз в год собираются по первому снегу на Большую охоту. Племя многочисленное и занимающее лучшие места для охоты. Впервые о них услышали, по словам стариков много зим назад, когда они прогнали с равнины семью Ам. А еще раньше на равнине жили только люди, а не темнокожие. В их числе большеносые, семья Граки, семья Рэту и другие, уже исчезнувшие. Говорят в центре равнины есть обширное место поросшее лесом и земля там совсем мягкая— можно утонуть в ней, если потерять осторожность. В этом лесу круглый год обитают звери, которые никуда не уходят, поскольку на месте всегда достаточно еды, и охотнику вовсе не нужно ждать как на равнине, пока стадо быков или бизонов пройдет по их землям, чтобы добыть еду для семьи.

Когда Андрей установил девятую палочку стоянки девятиглавого племени, произвольно расположив их примерно в трех переходах одна от другой, то настроение у него испортилось. На карте все было наглядно видно— поселения кроманьонцев широкой полосой пересекали ареал обитания неандертальцев. Семьи длинноногих и вытесненных в предгорья большеносых, рыжих и других уже распались на изолированные осколки, площадь которых продолжает таять как сахар в воде по причине полуголодного существования и миграции на Пиренеи. А куда двинется дальше это девятиглавое племя по карте прекрасно просматривается— дальше по равнине на запад, пока не упрутся в пиренейские горы. Степь рядом с его каньоном пока не очень населена и сюда периодически заходят только редкие охотничьи партии темнокожих. На одну из них, видимо, напоролась Грака и ее мужчина. Эту часть степи еще можно использовать для

охоты, но что случится, если захватчики скоро поставят новую стоянку поближе, например, на бывшем месте обитания семьи Ам, для чего-то ведь они ее захватили, и тогда девятиглавые станут десятиглавыми. Об охоте на равнине можно будет забыть навсегда, а ущелье и каньон, где они обитают, их прокормить не смогут.

– Эссу, нам надо уходить отсюда на Закат,– тихо сказал пришибленным голосом Рэту.– Забрать наших из под Белой горы, семью Граки, всех кто захочет уйти.

Все-таки в визуальной картине мира кроется великая сила. Вот жил себе рыжий, охотился на криворогов в горах и думал, что так будет всегда. А как увидел на «карте», что места в наступающем новом мире для него и его близких нет, так в его больших мозгах быстро сложилась ясная картина с печальными для него лично выводами.

– Это не спасет нас, Рэту. Они придут и на Закат, если не остановить их здесь. И не все пожелают уходить с нами. Кто хотел, те и так уже ушли.

Первое занятие по естественным наукам в «школе» на лужайке у граба закончилось не начавшись. Мысли Андрея были заняты поиском выхода из выглядящей тупиковой ситуации. И тут вдруг голову внезапно заполнили картины будущего наступления девятиглавого(или уже десятиглавого?) племени с подробностями будущего разгрома его семьи темнокожими пришельцами— на снежной поляне валялись тела детей, он мимоходом заметил, что Старшая лежит в его «сапожках», в уши ворвался визг связанной Граки, в мохнатой шкуре лежал утыканный стрелами Рэту и, наконец, он увидел и себя, точнее только свою голову, причем почему-то в руках «самого мудрого» из семьи Ам. Он сразу узнал его хитрые глаза, хотя на его голове и была лохматая шапка из шкуры какого-то животного. Он настолько погрузился в действие, что окончательно выпал из реальности и его охватил ужас— тело оцепенело, ноги стали ватными, по телу ручейками тек холодный пот, в глазах потемнело, а в себя пришел только от удара об землю.

Андрей уже примирился с тем, что к нему иногда приходят очень реалистичные видения. Но он думал, что это остатки памяти настоящего Эссу, место которого он занял в этом теле. И они навсегда исчезнут после того, как неандерталец попрощался со всеми в последнем видении из склепа. Может это его собственное воображение? Или свойство этого вида людей, какие-то доли мозга по развиты иначе, чем у современных людей и они видят очень яркие сны. Но он

то не спал. И время года, в котором произошел разгром семьи в каньоне в его видении заставляет отнестись к нему серьезно. Зимой самое время для нападения. Следы на снегу сохраняются долго, до следующего снегопада, и выследить убежавших легче. А ведь семья Рэту и Эссу гораздо ближе к ним. Учитывая последовательность девятиглавого племени, то если придут сюда зимой, значит, до этого уже успеют очистить предгорья. А там...

– Рэту, завтра идем за Эдиной и детьми. Мне кажется, что им грозит опасность. Грака останется здесь с детьми. Лучше если не на поляне, а в пещере. И пусть не выходят из каньона, пока мы не вернемся.

Грака пыталась возражать, утверждая, что нога Эссу еще не совсем здорова, но Андрей был непреклонен. Увидев, что отговорить его не удастся, исчезла куда-то до вечера и принесла с собой запасной костыль. А ночью натерла больную ногу зеленой мазью. Дала и с собой в дорогу настрого наказав обрабатывать ее на каждом привале. Спасибо тебе, белобрысая.

– Эссу, а как появилась Земля,– разочарованная отменой занятий в школе Старшая решила потревожить у вечернего костра ушедшего в себя угрюмого Андрея.– Ам говорит, что жил огромный черный змей Хррх, а когда он умер, то из его туловища образовалась глина и камень, из головы люди, звери, рыбы и деревья, а из крови— вода.

– Это придумал их «самый мудрый», Старшая(та еще сволочь оказалась, теперь спелся с девятиглавыми— эту фразу он произнес не вслух, а подумал про себя). Земля образовалась очень давно..

На этом месте Андрей запнулся. В самом деле, что теперь делать, не рассказывать же про газопылевое облако вокруг юного Солнца.

– ...из остатков нашего Солнца. Когда появилось наше светило, то осталось еще много глины, камней и воды, да так много, что таких земель как наша существует еще семь, и все они крутятся на разном расстояниях вокруг Солнца.

Андрей начал чувствовать, что его история для слушателей выходит не правдоподобнее сказания о разложившемся Хррх.

– Старшая, когда мы вернемся с Рэту, я расскажу подробно и о Земле, и о Солнце, и как все появилось. Я напишу книгу, чтобы это знание не пропало. А сейчас мне надо думать о походе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/angarin_leonid/neandertalec

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)